

M.A. Балышев

**SIC TRANSIT GLORIA MUNDI:
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
ОТТО ЛЮДВИГОВИЧА СТРУВЕ
(1897–1963)**

В жизни Великого человека смерть играет особую роль, не-похожую на роль смерти в жизни человека обычного. В этот день кардинально меняется его Образ, спрессовавший в себе всё: от момента рождения и до самой смерти. Человек перестал существовать «сегодня» и появился «навсегда»...

Сегодня незаслуженно забытым для истории науки оказалось имя выдающегося учёного: астронома Отто Людвиговича Струве.

По-прежнему в Макдоналдской обсерватории Мак-Доналд (США) зорко «вглядывается» в ночное небо телескоп Струве, названный в его честь, помогая пополнять сокровищницу науки новыми открытиями. Всё также неизменен космический путь астероида 2227 – астероида Струве. Современные учёные активно пользуются творческим наследием Астронома: обширный перечень его трудов насчитывает около 1000 единиц. И если научная биография учёного Отто Струве известна хотя бы узкому кругу специалистов, то к своду основных вех жизненного пути Отто Струве, обычного человека, были допущены лишь избранные.

Основной сложностью в осуществлении данного документально-биографического исследования оказалась значительная распылённость материалов: огромный массив личных документов учёного отложился в фондах различных архивных учреждений, разделённых тысячами километров. Среди уже выявленных, можно указать на следующие: Bancroft Library, University of California, Berkeley (USA); Mary Lea Shane Archives of the Lick Observatory, University Library, University of California, Santa Cruz (USA); Yerkes Observatory Archives, Williams Bay, Wisconsin (USA); Center for American History, University of Texas at Austin (USA);

Отто Людвигович Струве (1897–1963)

Harvard College Observatory Archives, Harvard University Archives, Pusey Library, Cambridge, Massachusetts (USA); American Institute of Physics Microfilm, Societies for History of Modern Astrophysics, College Park, Maryland (USA); University of Chicago Archives, Joseph Regenstein Library, Chicago (USA); Henry Huntington Library, San Marino, California (USA); Kevin Krisciunas Private Collection, Hilo, Hawaii (USA); University of Arizona Library, Tucson (USA); Carnegie Institution of Washington (USA); Library of Congress, Washington (USA); California Institute of Technology, Pasadena (USA); Архив Главной (Пулковской) астрономической обсерватории Российской АН (Россия), Архив Харьковской обсерватории (НИИ Астрономии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина) (Украина), Государственный архив Харьковской области (Украина), Архив Таврического университета, Симферополь (Украина).

Безусловно, это далеко не полный перечень хранилищ. Отто Людвигович вёл обширнейшую научную, деловую и личную переписку, и документальные свидетельства тому, несомненно, отыщутся ещё в архивах многих ведущих астрономических учреждений мира.

Должен отметить, что данная работа была бы невозможна без реальной помощи людей, которым я хочу выразить глубокую личную признательность: доктору Кевину Крищенасу – университет Нотр-Дам, Индиана (США) – за ценные научные советы и любезно предоставленные материалы из собственной коллекции документов; профессору Александру Гурштейну – Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (Россия), Меза Стейт Колледж, Колорадо (США); доктору Роберту Маккачеону – Корпорация компьютерных наук, Научный институт Космического телескопа им. Хаббла (США); доктору Дэвиду Де-Воркину – Смитсониановский институт, Вашингтон (США); доктору Сергею Измалкову – Массачусетский технологический институт, Бостон (США) – за объективные комментарии к исследованию, информационную поддержку, практическую помощь и личное участие; Джессике Лемьюкс, Сьюзен Снайдер – Калифорнийский университет, Беркли (США) и Шерил Дендридж – Архив Ликской обсерватории, Санта-Круз (США) – за предоставленные архивные материалы с правом их публикации.

Особую благодарность приношу коллективу НИИ Астрономии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Украина) и его администрации – профессору Ю.Г. Шкуратову и В.А. Псареву – за непредвзятость в творческом, плодотворном сотрудничестве.

1. Sic transit¹...

«Мы, Струве, не можем увлечённо жить без напряженной работы, так как в ранней молодости убедились, что она – полезнейшая и лучшая услада человеческой жизни» [84]. Это утверждение Якова Струве, став своеобразным девизом, во многом определило судьбы трёх последующих поколений «звездной» династии, но особенно характерно для жизненного кредо последнего её представителя – Отто Людвиговича Струве.

¹ Sic transit gloria mundi (Так проходит земная слава) – обычная надпись на надгробиях европейских кладбищ.

Отто Струве, будучи яркой одарённой личностью, по свидетельству современников, обладал фантастической работоспособностью в сочетании с немецкой педантичностью и точностью, но, по его собственному признанию, – «излишней чувствительностью, чертой, по-видимому, приобретённой мною в давние времена под влиянием окружения в России..» [21. Л. 5]. Требовательный к себе и окружающим, он всегда оставался при этом искренне доброжелательным, хотя на первый взгляд производил строгое, даже более того – суровое впечатление. Чаще всего это в полной мере оправдывалось в отношениях О. Струве к неорганизованным и без желания занимающимся студентам (порой и коллегам!), но при более близком знакомстве он оказывался совершенно иным: дружелюбным, отзывчивым человеком, часто готовым прийти на помощь. Мнение коллег о личности Отто Струве на редкость единодушно: практически все разделяли точку зрения Джесси Гринстейна², назвавшего О. Струве «одним из величайших приобретений, которое оказало глубокое воздействие на американскую астрофизику»³ [31. Л. 1]. Совершенно объективны были и советские историки науки, утверждавшие, что «...ярчайшим представителем истинных астрономов, заключивших тесный союз с физикой, был Отто Струве – один из наиболее крупных астрофизиков XX века» [28. С. 483]. После смерти Астронома, все ведущие астрономические издания мира поместили о нём некрологи⁴, проявив единодушие и в этом: первые строки статей начинались такими или похожими словами: «Когда Отто Струве умер 6 апреля 1963 г., астрономический мир понес невосполнимую утрату, потеряв одного из своих лидеров» [71. С. 501].

«Астрономический журнал» СССР также разместил на своих страницах некролог, в котором выдающиеся советские астрономы выразили горечь утраты: «6 апреля 1963 г. внезапно скончался один из выдающихся астрофизиков нашего времени О. Струве. Неожиданная смерть его поразила не только астрономов Америки, в которой он жил и работал более 40 лет, но и астрономов нашей страны. В лице О. Струве советские астрономы потеряли не только крупнейшего деятеля науки, но и человека,

² Известный американский астроном середины XX в., ученик О.Л. Струве.

³ Здесь и далее перевод на русский язык автора (М.А. Балышева). При переводе максимально сохранены все особенности стиля изложения в оригинале документа.

⁴ Автор насчитал двадцать пять астрономических изданий, которые в 1963–1964 гг. поместили некрологи об О.Л. Струве.

никогда не забывавшего страну, в которой он родился и провёл детство и юность, который хорошо знал и активно пропагандировал достижения советской науки и неизменно поддерживал самые дружеские отношения с её представителями» [39. С. 1126].

Главной особенностью научных исследований О.Л. Струве стало удачное объединение теоретической астрофизики с организацией собственной наблюдательной программы. Занимаясь изысканиями в области звёздной спектроскопии, посвятив себя изучению спектрально-двойных звёзд и звёзд ранних спектральных классов, он детально исследовал спектры многих сотен двойных звёзд, определил их массы и орбиты.

Нет ни одной высшей награды в области астрономии, которую бы не получил Отто Струве: член Академий наук США, Франции, Германии, Великобритании, Бельгии, Канады, Новой Зеландии, член-корреспондент Королевского научного общества Льежа (Бельгия) и Гарлемской Академии наук (Голландия), иностранный член Королевского астрономического общества Лондона, постоянный член Французского (*Société Astronomique de France*) и Немецкого (*Astronomische Gesellschaft*) астрономических обществ; член Американской академии искусств и наук (Бостон), Американского философского (Филадельфия) и Американского физического обществ (Нью-Йорк), глава консультативного Комитета по астрономии при министерстве военно-морских исследований США (Вашингтон), представитель Американского астрономического общества в секции физических наук Национального научного совета США (с 1936 г.) и, собственно, президент Американского астрономического общества (1946–1949, г. Колумбус); президент Тихоокеанского астрономического общества (1951–1952); вице-президент (1948–1952) и президент Международного астрономического союза (1952–1955); председатель астрономического сектора Национальной академии наук Соединенных Штатов, член Калифорнийской академии наук (Сан-Франциско); обладатель выдающихся астрономических наград: золотая медаль им. К. Брюс Тихоокеанского астрономического общества (1948 г.), кавалер Ордена Короны – награды королевского дома Бельгии (1949 г.), медаль им. Г. Дрэпера Национальной академии наук США (1950 г.), медаль им. Д. Риттенхауза (1954 г.), медаль им. П.Ж.С. Жансена Парижской академии наук (1955 г.) [77. С. 155]; почётный доктор девяти крупнейших университетов – таких как Копенгагенский, Льежский, Пенсильванский, Калифорнийский, Чикагский, Кливлендский, Национальный университет Мексики [90. С. 10; 95]. Но ещё в

1944 г., задолго до получения перечисленных высоких наград и званий, Отто Струве был удостоен самой престижной награды – золотой медали им. Исаака Ньютона Лондонского королевского астрономического общества, которая присуждается только за исключительные успехи в области астрономии. Именно эта награда стала четвёртой золотой медалью данного общества, которой гордились все представители «звёздной династии» Струве на протяжении 118 лет своей научной деятельности: Вильгельм Яков (прадед) – в 1826 г., Отто Вильгельм (дед) – в 1850 г., Карл Герман (дядя) – в 1903 г. [36. С. 351].

2. К истории семейной династии астрономов Струве

Первым из семи Струве-астрономов⁵, получивших докторскую степень (или её эквивалент) в астрономии, был Фридрих Георг Вильгельм фон Струве (1793–1864 гг., в России – Василий Яковлевич). Он родился и вырос в немецком городке Альтона (западный пригород Гамбурга, до 1864 г. принадлежавший Дании). После окончания гимназии «Христианиум» летом 1808 г. Вильгельм вынужден был покинуть Германию, наводнённую войсками Наполеона I, чтобы избежать рекрутования в армию. История семьи хранит предание о том, будто бы наполеоновские вербовщики уже схватили 15-летнего юношу, но ему удалось бежать, выпрыгнув в окно [63. С. 13]. Яков Струве (отец), директор лицея, посыпает сына в более спокойную Россию – в город Дерпт (позже г. Юрьев, ныне – Тарту, Эстония), где уже находился его старший сын Карл, для учёбы в Дерптском университете, вновь открытом в 1802 г. по указу Александра I; незадолго до этого филолог Карл Вильгельм получил в университете место доцента: он преподавал римскую и греческую литературы и специализировался по грамматике греческого и латинского языков [63. С. 13]. В 1810 г. (т.е. всего за 2,5 года) Вильгельм Яков окончил университет по специальности «филология»⁶. Со следующего 1811 г. он начал заниматься математикой и

⁵ Астрономическая династия семьи Струве: Вильгельм Струве (1793–1864), Отто Вильгельм Струве (1819–1905), Карл Герман Струве (1854–1920), Густав Вильгельм Людвиг фон Струве (1858–1920), Георг Герман Струве (1886–1933), Отто Струве (1897–1963), Вильфрид Георг Струве (род. 1914).

⁶ Вильгельм Струве получил золотую медаль за сочинение на латинском языке, посвящённое разбору грамматических трудов учёных эллинистического Египта.

астрономией; в 1813 г., после защиты диссертации на тему «О географическом положении Дерптской обсерватории» («De geographica positione speculae astronomicae Dorpatensis»), В.Я. Струве была присуждена степень магистра и доктора философии. В конце 1813 г. в возрасте двадцати лет он был зачислен на должность экстраординарного профессора Дерптского университета и астронома-наблюдателя университетской обсерватории. В 1818–1820 гг. молодой профессор, читающий курсы практической астрономии и геодезии, возглавил вновь созданную в университете кафедру астрономии; с 1818 по 1839 г. он – директор Дерптской университетской обсерватории. Именно от этого момента и ведётся отсчёт астрономической династии семьи Струве. Вильгельм Яков Струве по праву считается основателем (1839) и первым директором Пулковской обсерватории в России (1839–1862) [83. С. 4].

К проектированию комплекса новой обсерватории Вильгельм Струве был привлечён в 1826 г. после избрания его почётным членом Петербургской академии наук. В 1833 г. её президент граф С.С. Уваров, в том же году назначенный Министром народного просвещения, включил Василия Яковлевича в состав Комиссии по устройству новой обсерватории (уже после его избрания в 1832 г. ординарным академиком). В 1834–1837 гг. на Василия Яковлевича были возложены обязанности по изготовлению и приобретению инструментов, необходимого оборудования для обсерватории. При этом В.Я. Струве руководствовался прежде всего личным опытом, приобретённым еще в Дерптской обсерватории. «Да удастся Вашему превосходительству, – писал он С.С. Уварову, – удовлетворить нужды этого учреждения и обеспечить таким образом навсегда его деятельность...» [41. С. 402].

Известный петербургский архитектор А.П. Брюллов (брат знаменитого художника К.П. Брюллова) составил проект главного обсерваторского здания и осуществил затем общее руководство по его возведению. Закладка Пулковской обсерватории состоялась 21 июня 1835 г. Благодаря личному деятельности участию Василия Яковлевича, уже 1 января 1839 г. обсерватория приступила к регулярным наблюдениям, а 19 августа 1939 г. она была торжественно открыта официально.

Звёздные каталоги, впоследствии созданные Василием Яковлевичем и его учениками в Пулкове, уже в 60-х годах XIX в. принесли обсерватории славу «астрономической столицы мира» [35. С. 300]. Умер Василий Яковлевич Струве осенью 1864 г.,

через три месяца после празднования 25-летнего юбилея Пулковской обсерватории.

В 1862 г. на посту директора Николаевской Главной астрономической обсерватории (официальное название Пулковской обсерватории в 1855–1918 гг.) отца сменил один из его старших сыновей (третий) – Отто Вильгельм (1819–1905 гг., в России – Оттон Васильевич), хотя фактически с 1858 г. именно он управлял Пулковской обсерваторией (когда В.Я. Струве серьёзно заболел). Отто Вильгельм также окончил Дерптский (Юрьевский) университет, с самого начала связав свою судьбу с астрономической наукой. В 1836 г., ещё будучи студентом, он сделал своё первое научное открытие: невооружённым глазом наблюдал на Солнце большую группу пятен. Отчёт о выполненных наблюдениях О.В. Струве в виде научной статьи представил в немецком астрономическом журнале “*Astronomische Nachrichten*” [33. С. 222]. С 1836 по 1838 г. он состоял сверхштатным помощником директора Дерптской обсерватории. С 1839 г. двадцатилетний Отто Вильгельм – помощник директора университетской обсерватории, с 1862 по 1889 г. – директор обсерватории в Пулкове. Уже в 1852 г. О.В. Струве избирается членом Санкт-Петербургской академии наук, а его утверждение на должность директора Пулковской обсерватории, согласно Уставу этого учреждения, привнесло Оттону Васильевичу звание ординарного академика Петербургской академии наук (1862). Оттон Васильевич Струве открыл свыше 500 двойных звёзд, вёл наблюдения планет и их спутников, комет и туманностей. Основные направления его научных работ связаны с наблюдениями на 15-дюймовом рефракторе Пулковской обсерватории: определение астрономических постоянных, исследование двойных звёзд. Научная библиография О.В. Струве насчитывает 272 работы [63. С. 49–55].

По уже сложившейся семейной традиции сыновья, неизменно получая образование в Дерптском университете, также становятся астрономами: Карл Герман фон Струве (1854–1920) окончил университет в 1877 г., стажировался в Страсбурге, Париже и Берлине. В 1881 г. получил магистерскую степень, а в 1882 г. защитил докторскую диссертацию по астрономии. С 1883 г. работал в должности адъюнкт-астронома, с 1890 по 1895 г. – в должности старшего астронома Пулковской обсерватории. Карлу Герману прочили директорство (опять же по сложившейся традиции династической преемственности – «от отца к сыну») [38. С. 304]. Но согласно обсерваторскому Уставу избрание нового директора осуществлялось Академией наук, не

безразличной к императорскому «высочайшему» решению. Александр III пожелал, чтобы этот высокий пост занимал учёный, «русский по духу», а не только по гражданству. В 1897 г. Герман Оттонович уехал в Германию (вместе с ушедшим в отставку отцом), где получил звание профессора Кёнигсбергского университета и должность директора университетской обсерватории. В этом же году за цикл проведенных наблюдений Герман Струве был награждён премией им. Дамуазо Парижской академии наук (1897). С 1904 г. он возглавил Берлинскую обсерваторию, переведённую в 1913 г. (уже под его руководством) в пригород Берлина – городок Бабельсберг. Мировую известность и научное признание Г.О. Струве приобрёл своими работами по измерению больших планет с помощью пулковского рефрактора. Его основные научные работы – это область наблюдательной астрономии и небесной механики. Занимаясь изучением спутников Марса, Сатурна и основываясь на выводах собственных наблюдений, он построил теорию движения спутников Сатурна [35. С. 301].

Густав Вильгельм Людвиг фон Струве (1858–1920), окончив Дерптский университет в 1880 г., несколько лет проработал сверхштатным астрономом в Пулковской обсерватории. С 1883 по 1886 г. после защиты магистерской диссертации («Resultate aus den in Pulkowa angestellten Verleichungen von Procyon mit benachbarten Sternen» 1893 г.) в течение почти трёх лет работал в обсерваториях Бонна, Милана, Лейпцига. В 1886 г., вернувшись в Дерпт и получив в 1887 г. степень доктора астрономии (после защиты диссертации «Nove Bestimmung der Constante der Präcession und der eigenen Bewegung des Sonnensystems»), работает до 1894 г. астрономом-наблюдателем в университетской обсерватории. Осенью 1894 г. Людвиг Оттонович был приглашён на весьма лестную для молодого учёного должность профессора Харьковского университета. Л.О. Струве переезжает в Харьков, одновременно совмещая новое назначение с руководством университетской обсерваторией [38. С. 304]. В 1912 г. Л.О. Струве избран деканом физико-математического факультета Харьковского университета [27. С. 429].

В 1915 г. советом Русского астрономического общества (членом которого Л.О. Струве являлся с 1893 г., а с 1905 г. – членом-корреспондентом) [75. С. 56] Людвигу Оттоновичу была присуждена медаль имени С.П. фон Глазенапа. Почётной награды удостоилась его работа «Обработка наблюдений покрытий звёзд луною во время полных лунных затмений» [7. С. 105].

Основные научные работы Людвига Оттоновича Струве относятся к области позиционной астрономии; Густав Людвиг изучал двойные звёзды, обрабатывал наблюдения покрытий звёзд Луной для получения её радиуса [35. С. 302].

Повествуя о семье Струве, необходимо напомнить тот факт, что не все её представители придерживались семейной традиции: связать свою судьбу с астрономией. Некоторые находили призвание в сферах других наук. Карл Оттонович Струве стал русским послом в Японии (1874–1882), впоследствии возглавлял Российский дипломатический корпус в Соединённых Штатах (80-е годы XIX в.); Альфред Оттонович Струве (1849–1916) – известный в России геолог; Вильгельм Оттонович Струве (1845–1913) некоторое время возглавлял Императорское Российское географическое общество [22].

3. Юность О.Л. Струве. Харьковский период

Отто Людвигович Струве родился 12 августа (30 июля) 1897 г. в городе Харькове, и ни у кого не возникало сомнений в том, что он также предпочтёт семейное ремесло, продолжив дело своего прославленного деда, чьё имя получил при рождении. Уже с восьмилетнего возраста Отто посещает с отцом башню с телескопом, а в 10 лет ему доверяют даже проводить простейшие наблюдения [40]. Квартира директора находилась при университетской обсерватории в городском саду (бывшем Университетском), где и поныне находится комплекс обсерваторских строений. За прошедшие 100 лет харьковский городской сад им. Т.Г. Шевченко не менял адреса, за исключением переименований улицы.

Отто рос старшим сыном, первенцем в семье; получив добротное «домашнее» образование, по достижении двенадцатилетнего возраста (1909 г.) поступил в Харьковскую мужскую гимназию № 3⁷. Здесь проявились яркие математические способности будущего астронома: очевидно, сказалось уже гены матери, Елизаветы Христофоровны Струве (в девичестве Элизабет Грохман), происходившей из известного «математического» рода Бернулли.

Родители Отто Струве принимали активное участие в общественной и светской жизни города. Людвиг Оттонович Струве в перерыве между астрономическими наблюдениями и

⁷ «Немецкую», как ее называли в городе.

лекциями в университете отдавал много личного времени делам духовным: возглавлял совет Харьковской евангелическо-лютеранской церкви св. Вознесения (например, по свидетельству архивных документов, в 1912–1913 гг. на плечи Л.О. Струве легли тяготы по организации возведения нового церковного здания⁸⁾ [18].

Елизавета Христофоровна Струве активно занималась деятельностью харьковского «Немецкого дамского общества», основательницей и бессменным председателем которого она являлась (общество было зарегистрировано 1 июня 1908 г. и просуществовало до осени 1914 г., когда в связи с началом Первой мировой войны его деятельность была приостановлена постановлением харьковского губернатора [98. С. 70–71]).

В 1915 г. О. Струве с золотой медалью заканчивает полный гимназический курс и становится студентом физико-математического факультета Харьковского университета. Его личное дело за № 1199 отражает все официальные вехи студенческой биографии: «Отто Людвигович Струве (отсрочка до 1924 г.⁹); факультет и семестр: Мт, 1 [математический, первый семестр. – Авт.]; стипендия: освобождён; вероисповедание: евангелическо-лютеранское; звание: из профессорской семьи; год рождения: 1897; место предварительного воспитания: Третья Харьковская императорская гимназия; год поступления в университет: 1915.» [76].

В начале 1916 г., едва закончив первый семестр, О. Струве вынужден прервать обучение в связи с событиями Первой мировой войны. По совету отца, ординарного профессора Харьковского императорского университета, действительного статского советника Людвига Оттоновича Струве, он, не дожидаясь мобилизационной повестки, поступает в Михайловское военное артиллерийское училище в Петрограде на ускоренный курс подготовки. В ту пору это было обычным делом: события на фронте складывались не лучшим для русской армии образом, офицеров нехватало и студентов первых-вторых курсов из университетов в массовом порядке призывали на военную службу. Вероятно, выбор пал на Михайловское училище неслучайно: из Петрограда можно было быстро добраться до Пулкова, где

⁸ Новый храм возводился на месте старой евангелическо-лютеранской церкви, на принадлежащих общине землях, на углу Театральной площади и ул. Гоголя, № 2. Л.О. Струве состоял председателем строительного комитета [18].

⁹ Имеется в виду военный призыв.

тогда размещалась Главная Российской астрономическая обсерватория, а «знаменитая» фамилия беспрепятственно открывала перед Отто все двери. Это давало юнкеру возможность не прерывать обучения: находясь вдали от университетской среды, он вёл практические наблюдения, занимаясь самостоятельно [9. С. 36].

Так прошёл целый год. 15 февраля 1917 г. «по Высочайшему Указу с приложением резолюции» военного министра, только вступившего в должность «генерала от инфanterии» М.А. Беляева, весь курс училища, на две трети состоявший из представителей известных в России дворянских фамилий – таких как Кутузов, Кольцов-Мосальский, Разумовский, Гагарин, Суворов, Романов, Юденич, – был «произведён из юнкеров в прапорщики, со старшинством (с 1 ноября 1916 г.), с зачислением по полевой лёгкой кавалерии» [13]. Отто Струве получил назначение на Турецкий фронт. Теперь в нагрудном кармане его форменного кителя постоянно находился документ: удостоверение личности за № 3079, выданное 19 мая 1917 г., подтверждаемое фотографией мужественного офицера с кавалерийской шашкой. В нём значилось: «Предъявитель сего действительно есть младший офицер второй батареи 123 лёгкого артиллерийского дивизиона прапорщик Струве, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется» [13].

Военная карьера О. Струве складывалась следующим образом: в скором времени он досрочно был произведён в подпоручики (в октябре 1917 г., со старшинством с 1 июня 1917 г.), затем назначен командиром отдельного взвода артиллерийской батареи (с 15 июня 1917 г.) [13].

В марте 1918 г., после подписания тяжёлого для России, но всё-таки «мирного» договора в Брест-Литовске (3 марта 1918 г.), завершившего её участие в Первой мировой войне, Отто Людвигович возвращается в родной город Харьков, в университет, к регулярным занятиям астрономией. В течение года (весна 1918 – весна 1919 г.) он заканчивает полный курс университетского образования, получив «право на диплом первой степени». Из-за отсутствия бланков университетских дипломов (время тогда было очень непростое: выдавать дипломы старого (императорского) образца уже нельзя, а новые советская власть ещё не изготовила) Отто Людвигович получил лишь «Временное свидетельство» за № 295 от 19 июля 1919 г. с заверительной подписью председателя физико-математической испытательной комиссии при Харьковском университете профессора Л.О. Струве. В нём ука-

зывалось: «Предъявитель сего, прослушавший курс наук математического отделения физико-математического факультета, Отто Людвигович Струве по произведённому в весеннюю сессию 1919 года физико-математической испытательной комиссией при Харьковском университете испытанию, признан имеющим право на диплом Первой степени, какой ему и будет выдан по изготовлении, в удостоверение чего и выдано господину О.Л. Струве это свидетельство» [13].

Такой документ был необходим Отто Людвиговичу, но получить его лично он вряд ли смог бы: несколько опережая события, нужно отметить, что на момент выдачи этого «Временного свидетельства» (19 июля 1919 г.), он, уже офицер Добровольческой армии, получивший ранение в бою (12 июля 1919 г.), находился в госпитале Дроздовского дивизиона в составе Добровольческой армии Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) генерал-лейтенанта А.И. Деникина [13]. Безусловно, важную роль в этом сыграл отец, профессор Л.О. Струве, приготовивший сыну данный документ.

Но, безусловно, нельзя согласиться с существовавшим ранее мнением о признании «Свидетельства» недействительным, подвергнув таким образом сомнению не только объём знаний О. Струве, дававший ему право на получение диплома первой степени, но и вообще факт окончания им университета, как ошибочно полагали раньше, называя его в публикациях «недоучившимся студентом, не имевшим никакого диплома» [64. С. 95].

Ещё за месяц до указанных событий, 14 июня 1919 г., О.Л. Струве был выдан ещё один документ – «Справка» за подписью ректора Харьковского университета П.П. Пятницкого о том, что «предъявитель сего Оттон Людвигович Струве состоит оставленным при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре астрономии и геодезии, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется» [13].

Отто Струве не только не был «недоучившимся студентом», но более того, он планировал совершенствовать своё образование далее. Желая продолжить дело отца, деда и прадеда, связав свою судьбу с астрономией, О. Струве уже реализует его на практике, работая в школе-мастерской точной механики при Харьковском университете. Об этом свидетельствует «Удостоверение № 546», датированное 13 июня 1919 г.: «Дано сие удостоверение Отто Людвиговичу Струве в том, что он действительно состоит преподавателем школы-мастерской точной механики, состоящей

при физико-математическом факультете Харьковского университета» [13].

Первая мировая война в России – Украине сменилась революционными событиями, а затем страна была ввергнута в хаос. Началась Гражданская война.

4. Дорогами Гражданской войны (1919–1920 гг.)

Ночью 11 (24) июня 1919 г. в г. Харьков без боя вошли первые отряды Добровольческой армии генерала В.З. Май-Маевского, которому уже были подчинены губернии Екатеринославская, частично Харьковская, позже Курская [91. С. 68]. В первые дни в армию записалась масса харьковских добровольцев, и О.Л. Струве, офицер-артиллерист, получивший боевое крещение, счёл своим гражданским долгом также вступить в её ряды.

Полвека спустя, вспоминая те дни, он напишет: «...я считал своё участие в [Гражданской. – Авт.] войне наибольшим актом самопожертвования в моей жизни. Я не сомневался, что придёт время, хотя, возможно, и не при моей жизни, когда русские люди поймут, что патриотизм не был эксклюзивной привилегией тех, кто сражался на победившей стороне...» [81].

Сегодня можно отметить, что даже если не принимать во внимание собственные убеждения Отто Людвиговича, он вряд ли смог избежать всеобщей мобилизации, объявленной добровольческими войсками. В частности, в приказе № 107 командующего Первым армейским корпусом Добровольческой армии генерала А.П. Кутепова от 20 июня (3 июля) 1919 г., значилось: «...Для пополнения частей Добровольческой армии и в видах равномерного распределения тяготы военной повинности, по представлению Главнокомандующим вооружёнными силами на Юге России мне праву, призываю призвать на службу мобилизационным порядком военнообязанных следующих категорий: § 1. Штаб-офицеров до 50-летнего возраста включительно, т.е. родившихся в 1869 г. и позднее; § 2. Обер-офицеров, юнкеров...» [68].

Кадетская газета «Новая Россия», издававшаяся в Харькове, писала: «...по предложению проф. Т.П. Кравца Совет [профессоров Харьковского университета. – Авт.] приветствует тех членов академической корпорации, которые повинуясь голосу совести, добровольно вступили в ряды армии: приват-доцентов П.М. Ерохина, Н.Н. Жинкина; ассистентов В.П. Дмитриева, Б.А. Госмана,

Л.С. Тарнавского, К.А. Арханова, В.Н. Никитина и оставленных при университете В.Г. Пушкарёва¹⁰ и О.Л. Струве...» [62].

Уже 19 июня 1919 г. О.Л. Струве получает «Удостоверение личности офицера Добровольческой армии за № 58: «Предъявитель сего действительно есть подпоручик шестой батареи третьей артиллерийской бригады Оттон Людвигович Струве, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется» [13].

Многие, в частности американские биографы астронома, отмечают, что до нас дошло очень мало сведений об участии Отто Струве в событиях Первой мировой и Гражданской войн. Но это не совсем так. В архивах США находится много его документов, в том числе и личных, того периода, которые он бережно сохранил в трудных условиях военных дорог. Так, документы из архивного фонда Отто Струве в Банкрофтской библиотеке (Калифорнийский университет, г. Беркли) [12–15] объединяют лишь часть свидетельств этого периода его жизни:

«Из материалов личного дела подпоручика Дроздовской артиллерийской бригады Оттона Людвиговича Струве: “Прохождение службы: юнкером рядового звания в Михайловском артиллерийском училище – с 1 июня 1916 г.; унтер-офицерского звания – с 12 августа 1916 г.; произведён в прапорщики Высочайшим Указом от 15 февраля 1917 г., со старшинством – с 1 ноября 1916 г.; назначен в распоряжение дежурного генерала штаба Кавказской армии, явился в расположение 1 марта 1917 г.; назначен и зачислен в списки второго дивизиона 123 артиллерийской бригады (пятая батарея) со 2 марта 1917 г.; делопроизводителем той же батареи – с 10 марта 1917 г.; за расформированием второго дивизиона 123 артиллерийской бригады назначен и зачислен в списки второй бригады 123 отдельного лёгкого дивизиона с 20 мая 1917 г.; командиром отдельного взвода той же батареи – с 15 июня 1917 г.; делопроизводителем той же батареи – с 20 июля 1917 г.; заведующим хозяйства той же батареи – с 12 сентября 1917 г.; старшим офицером – с 10 ноября 1917 г.; за расформированием батареи отправлен к харьковскому воинскому начальнику и уволен от службы с 15 марта 1918 г.; в Добровольческую армию зачислен 13 июня 1919 г.; зачислен в списки шестой батареи третьей артиллерийской бригады (позже Дроздовской артиллерийской бригады) младшим офицером – с 13 июня 1919 г. Участие в боевых действиях: против Турции – с 1 марта 1917 г. по 15 марта 1918 г.; против большевиков: с 13 июня 1919 г. по настоящее время... Ранен в руку под селом Головино [Курской губернии. – Авт.] 12 июля 1919 г., остался в строю...”» [13].

¹⁰ В газетной статье допущена опечатка. Речь идёт о Сергее Германовиче Пушкарёве (1888–1984), выпускнике историко-филологического факультета Харьковского университета. С.Г. Пушкарёв вместе с О.Л. Струве вступил в Белую армию, но в дальнейшем их пути разошлись: Пушкарёв попал в пехоту, а затем, после полученного тяжёлого ранения, служил на бронепоезде «Офицер». После эвакуации из Крыма в Турцию в 1921 г. С.Г. Пушкарёв переехал в Чехию, в Прагу, где прожил почти четверть века. В 1949 г. он уехал в США, где с 1950 г. в звании профессора преподавал в Йельском университете [70. С. 5–22].

Осколок артиллерийского снаряда навсегда оставил свой памятный след на левой руке Отто Людвиговича. Проведя две недели в госпитале, с 1 августа 1919 г. он снова в строю, но непосредственного участия в боях уже не принимал (очевидно, сказывалась полученная при ранении контузия) [13].

В ходе боевых действий в октябре–ноябре 1919 г. Добровольческая армия терпит поражение. Задуманный А.И. Деникиным поход, – так называемая «Московская директива», – закончился неудачей, и разбитые под Орлом полки Вооружённых сил Юга России отступают по всему фронту. Но генерал В.З. Май-Маевский всё ещё продолжал заявлять харьковским газетам: «Манёвр красных не удался... В данное время на фронте обычная картина, которую мы и раньше наблюдали во время обороны каменноугольного бассейна и боёв под Харьковом. И я предвижу скорый перелом противника, связанный с его большими потерями...» [97. С. 41].

Но чуда не произошло. Отто Струве, отступая с тяжелейшими боями в составе 3-й пехотной дивизии офицерской стрелковой бригады генерал-майора М.Г. Дроздовского, к марта 1920 г. оказался на Кавказе, в районе Новороссийска. Конные артиллерийские батареи впрягали в орудия всех, включая и офицерских лошадей, – офицеры шли пешком. Скорость движения полков была всего лишь несколько километров в час.

По воспоминаниям одного из непосредственных участников этих событий, поручика Долакова¹¹, 13 марта 1920 г. Дроздовская бригада вошла в Новороссийск: «...На вокзале горели склады, взрывались бронепоезда и снаряды, – записал он в дневнике, – грабежи складов в городе, большое скопление войск на пристани и масса лошадей, бродящих по городу и возле пристани, – всё это говорило о том кошмаре и ужасе, которые творились здесь..» [45].

К 13 марта 1920 г. у пристани оставался лишь один корабль – транспорт «Екатеринодар», предназначенный для погрузки Дроздовского и Алексеевского полков, но, когда погрузка началась, оказалось, что взять всех желающих на борт парохода просто невозможно. Из дневника поручика Долакова: «...большая часть толпы, главным образом дроздовцев, была погружена на пароход и, он вскоре отчалил от берега, оставив остальную часть на берегу в ожидании красных (больше пароходов не было), и

¹¹ Долаков (иционалы неизвестны), офицер Первого стрелкового полка генерала М.Г. Дроздовского.

стал на рейде, при этом отход сопровождался проклятиями со стороны остававшихся.. На палубе люди буквально валялись вповалку и нельзя было сделать ни шагу, чтобы не наступить на кого-нибудь.. В 5 часов, уже 14 марта, пароход снялся с рейда и ушёл в Крым..» [45].

Наверное, нет необходимости в более подробном освещении событий скорбного пути отступления Белой армии. Но американские историки науки подчеркивают в своих исследованиях, что Отто Струве сыграл определённую роль в судьбах некоторых его единомышленников в период двух этапов эвакуации Белой армии (из Новороссийска в Крым и из Севастополя в Турцию) [44. С. 381–384]. Известно, например, что Фридрих Георг Вильгельм фон Струве, прадед О. Струве, был товарищем и коллегой (по Российской академии наук) Фердинанда Вильгельма Врангеля, впоследствии известнейшего русского адмирала, путешественника, основателя Российского географического общества, а генерал-лейтенант Петр Николаевич Врангель, командующий Кавказской Добровольческой армией (с 22 марта 1920 г. – главнокомандующий ВСЮР), – его прямой потомок [36. С. 375]. Несомненно, это весомый факт, но необходимо также принять во внимание, что двоюродный дядя Отто – Пётр Бернгардович Струве¹², член правительства барона П.Н. Врангеля, возможно, повлиял не только на судьбу Отто Струве при эвакуации в Турцию, но и в дальнейшем, «обеспечивая переписку» с многочисленными его родственниками (П.Б. Струве находился в постоянных разъездах между югом России и Берлином) из берлинской ветви семьи астрономов Струве.

Начало сотрудничеству П.Б. Струве и П.Н. Врангеля (по воспоминаниям последнего) было положено за чашкой кофе в одном из константинопольских кафе в феврале 1920 г. Тогда П.Н. Врангель предложил П.Б. Струве пост «начальника управления иностранных сношений» при правительстве Юга России. Перед П.Б. Струве была поставлена конкретная задача: добиться признания правительства П.Н. Врангеля де-факто и получить военную и экономическую помощь Запада [87. С. 339].

Весной 1920 г. дороги Гражданской войны привели Отто Струве в Севастополь. Найти в то время жильё в «тыловом» городе было абсолютно невозможно. Единственный способ об-

¹² Пётр Бернгардович Струве (1870–1944) – русский политический деятель, внук Василия Яковлевича Струве. Идеолог и организатор антибольшевистских сил в Западной Европе. Его отец, Бернгард Вильгельм (старший сын В.Я. Струве от первого брака), – основатель сибирской линии фамилии Струве [87].

рести крышу над головой: разместиться на судне (их тогда много стояло в порту). К слову, даже для приобретения такого «условного» жилья была необходима протекция знакомых. Но долго Отто Людвигович в Севастополе не задержался: уже с 30 апреля и до конца августа 1920 г. он командируется в учебно-подготовительную артиллерийскую школу, для обучения других артиллерийскому делу [13]. Этому назначению предшествовал накануне полученный О.Л. Струве «Акт медицинской комиссии» [13]. Не совсем оправившись после ранения, он заболел и на ногах перенёс сыпной тиф в лёгкой форме, что, естественно, также отрицательно сказалось на состоянии здоровья (и пригодности к боевым действиям на фронте).

Согласно проездным документам за № 1313290 под литерой А 24 августа 1920 г. Отто Людвигович командирован в «г. Симферополь в Управление интенданта Добровольческого корпуса и в полевое казначейство того же корпуса за получением денег для нужд вверенной ему батареи» [13]. Осуществить поездку Отто Людвиговичу удалось только в конце октября, а уже в начале ноября Белая армия готовилась покинуть Крым совсем.

С 7 по 17 ноября 1920 г. на Перекопе шли жестокие бои. На перекопские позиции, укреплённые французскими военными инженерами, активно наступала 51 стрелковая дивизия В.К. Блюхера при поддержке двух других, 52-й и 15-й стрелковых дивизий Красной армии.

11 ноября 1920 г. французские корабли начинают эвакуацию из Крыма гражданского населения: транспорты направлялись преимущественно в Константинополь.

В это же время вся семья Отто Людвиговича также находилась в Крыму, где трагически складывалась судьба её членов: на глазах отца (Л.О. Струве) утонула младшая дочь Элизабет; вскоре умер сын Вернер [27. С. 429]; не перенеся случившегося, 4 ноября 1920 г. в результате сердечного приступа скончался отец [6]. Мать, Е.Х. Струве, проживала в Симферополе, где имела небольшую педагогическую нагрузку в Таврическом университете; сестра, Ядвига, находилась в постоянных разъездах между Харьковом и Крымом, так как была серьёзно больна: постоянно лечилась от туберкулёза (костная форма). С одной стороны, она нуждалась в квалифицированной медицинской помощи в Харькове, с другой, – в живительном крымском климате. Позже (с 1921 г.) Ядвига Людвиговна преподавала немецкий язык в Харьковском технологическом институте [19]. Отто Струве какое-то время, используя свои возможности, материально помо-

гал семье. Сохранился документ – «Удостоверение», заверенное подписью главкома Добровольческой армии:

«Дано сие от командира третьего дивизиона Дроздовской артиллерийской бригады подпоручику того же дивизиона Струве Оттону Людвиговичу в том, что на его иждивении действительно находятся мать его, Елизавета Христофоровна Струве, 52 лет, и сестра, Ядвига Людвиговна Струве, 20 лет, и что первая, как нетрудоспособная, на основании приказа главкома за № 3550 имеет право на получение казенного продовольственного пайка полностью и вторая, как временно не имеющая заработка, – на получение пайка в половинном размере, что подписью и приложением печати удостоверяется. Основание: приказ главкома № 3580...» [13].

Но даже эта небольшая помощь была крайне необходима. По сообщениям газет того времени, экономическая обстановка в Крыму обострилась до предела. Газета «Дело революции» сообщала: «Дороговизна была страшная, скудный обед стоил 400–500 рублей. Деморализовавшиеся части деникинцев, отступая на Кавказ и Крым, предавали огню всё и вся...» [17].

По сообщениям газеты «Всероссийская кочегарка» о ситуации на Южном берегу Крыма: «Цены¹³ на продукты достигли сказочных размеров. Фунт яблок стоил 15 000 рублей, картофель – 12 000 рублей, сливочное масло – 30 000 рублей...» [16]. По сообщениям другого источника: «Обувь – 90 000 рублей, рубашка – 30 000, брюки холщовые – 40 000 рублей...» [99. С. 737]. Иными словами, если приобрести лишь необходимое, сразу становишься обладателем долга в несколько миллионов рублей. И таких «миллионеров», пожалуй, действительно был миллион...

С 11 по 23 ноября 1920 г. флотилия из 100 судов под флагами государств Антанты курсировала между Константинополем и Севастополем, навсегда увозя тысячи беженцев в эмиграцию. В общей сложности Крым тогда покинуло более 150 000 человек. На одном из заполненных до отказа военных транспортов (предположительно «Херсон» или «Саратов») находился и Отто Людвигович. Уже 16–17 ноября корабли появились на Константинопольском рейде, и началась выгрузка войск.

В черте города можно было разместить не более трети личного состава армии, две другие её трети союзники предложили направить за 10–12 км.

¹³ Здесь приведена стоимость продуктов в эквиваленте так называемых добровольческих, «Донских денег». П.Н. Врангель осуществлял выпуск «своих» денег, что было вызвано необходимостью оплаты за продовольствие, вооружение, выплаты жалования и пр., так как всевозможные мобилизации и узаконенные поборы уже ничего не давали. Всего правительством П.Н. Врангеля было выпущено денежных знаков на сумму свыше 300 миллиардов.

К 18 ноября остатки дивизиона Отто Струве, добравшиеся до турецких берегов, были расквартированы военным лагерем возле г. Галлиполи. Первую ночь измотанные люди провели в грязи под открытым небом, а на следующий день союзники начали выдавать старые и рваные палатки [72. С. 36]. Весь личный состав дивизиона был переформирован в третью батарею Дроздовского стрелкового артиллерийского дивизиона. Как свидетельствуют документы, бывший дивизион не насчитывал и половины своего изначального состава (одна батарея из трёх). Но в пределах военного лагеря продолжала действовать строгая армейская дисциплина: офицеры сохранили личное оружие и, к примеру, уходили в город по увольнительным запискам только до 17 часов [13]. За полгода тысячи «провинившихся» прошли через гарнизонную гауптвахту; такими мерами командир корпуса всё ещё пытался спасти и армию и её дух [72. С. 37].

9 декабря 1920 г. Отто Людвигович участвовал в военном параде по случаю кавалерского праздника ордена Св. Георгия. Это был первый парад, из числа проходивших в дальнейшем регулярно (командование устраивало их для поддержания военной выпрявки и достойного внешнего вида армейского корпуса).

Зимой 1920–1921 гг. бытовые условия жизни лагеря оставались исключительно тяжелыми: свирепствовал тиф, дизентерия, не хватало лекарств, продовольствия, но каждого поддерживало огромное желание выстоять, выжить, несмотря ни на что...

«Разбитый город... Грязь...», – вспоминал один из известных политических деятелей Белого движения В.В. Шульгин, описывая палаточный лагерь в Галлиполи. – «Среди грязи толчется и топчется толпа рыжих английских шинелей, от одного вида которых щемит. Это наша армия... Вот... тут, направо, Корниловцы... налево – Марковцы... там дальше – Дроздовцы и Алексеевцы...» [99. С. 798–799].

Очень большую роль в жизни О.Л. Струве сыграли совпадения. Но самой невероятной остаётся история его переезда в США. Спустя годы, Струве многократно пересказывал её, каждый раз, по свидетельству присутствовавших, сокращая рассказ о длинной череде совпадений. Со временем это и породило массу домыслов, иной раз совершенно нелепых.

По собственному признанию Отто Людвиговича, тогда он надеялся только на то, что удача, которая помогла ему выжить на войне, не оставит его и в будущем [88. С. 5].

Чтобы заработать хоть какие-нибудь средства на жизнь, необходимо было перебираться в Константинополь (Стамбул): только там существовала возможность получить работу.

Но неожиданно появляется окрыляющая надежда: О. Струве удалось восстановить переписку с родственниками в Германии (по линии дяди Германа Оттоновича). Отто Людвигович обратился к ним с просьбой о помощи, но, к несчастью, дядя Герман умер ещё 12 августа 1920 г. [35. С. 301], а в разоренной Веймарской республике найти работу было не легче, чем в Турции (да еще эмигранту-инострانцу!).

Тётка Отто, Ева Струве, не теряя надежды вытащить племянника из «турецкого плена», обратилась к Паулю Гутнику (1879–1947), преемнику Германа Оттоновича Струве на посту директора Бабельсбергской обсерватории, с просьбой написать письмо в США к его коллеге Эдвину Бранту Фросту (1866–1935), директору Йеркской обсерватории. Возможно, он сможет предложить для Отто хоть какую-то работу в благополучных Соединенных Штатах. 25 декабря 1920 г., в канун Рождества, Пауль Гутник направляет письмо¹⁴ в США, в котором он, преодолев собственные сомнения, обращается со следующей просьбой к Э. Фросту:

«Глубокоуважаемый господин профессор!

Я давно имел стремление написать Вам подробное письмо относительно местных событий, касательно ситуации в Германии, которая сложилась в настоящем, вместе с результатами моих фотоэлектрических измерений τ Лебедя, о которых Вы уже читали в “Astronomische Nachrichten”. Однако я должен отложить это на сегодня, чтобы скорее, насколько это только возможно, привнести к Вашему вниманию вопрос жизненной важности, дабы помочь тем, к кому это имеет отношение. Сестра покойного профессора Г. Струве, Ева Струве, которая временно проживает здесь (в Берлине), получила новости, касающиеся её племянника Отто Струве, сына Людвига Струве, который стал жертвой сердечного приступа два месяца назад; (Отто) находится с армией Врангеля в Галлиполи и, должно быть, доведён до отчаяния сложившейся ситуацией. Он просил о помощи в получении места в Германии, чтобы покинуть врангелевскую армию. Он астроном (и), как я слышал, сдал свои экзамены «на отлично» и, должно быть, весьма талантливый молодой человек с очень твёрдым характером.

В данной ситуации оказалось совершенно безнадёжным получить для него место в Германии, хотя он был согласен принять любой вид помощи, но дело в том, что он – российский подданный и точно так же был бы здесь иностранцем.

¹⁴ Письмо датировано 25 декабря 1920 г. Текст оригинала составлен на немецком языке, перевод на английский язык выполнен Кевином Крищунасом и Марен Хаушилдт, на русский язык – автором.

Как-то Вы упоминали об одном обстоятельстве, что Вы могли бы попытаться найти ему или его отцу место в Соединённых Штатах, и, таким образом, я лелею надежду, что Вы всё ещё считаете возможным привезти его в Вашу страну. Ради его тети я делаю над собой усилие, чтобы поговорить об этом с Вами относительно него.

В особенности, я должен отметить, что он полностью беспомощен, так как его родители потеряли всю свою собственность из-за большевиков. Его мать, которая всё ещё жива, получила работу в Симферопольском университете, где едва сводит концы с концами.

Эту семью совершенно трагическим образом преследует злой рок: самая младшая сестра [Элизабет. – Авт.] утонула прямо на глазах отца и брата, брат [Вернер. – Авт.] умер от туберкулеза, вскоре после чего внезапно умер отец, к тому времени получивший должность в университете [Таврическом. – Авт.]. Ещё до того они бросили всё [имущество. – Авт.] в Харькове и бежали от большевиков. Они не могли остаться, так как старший сын Отто воевал против большевиков в офицерском звании в армии Брангеля.

Я прошу Вас незамедлительно рассмотреть этот вопрос, и, если это в Ваших силах, сделайте хоть что-нибудь. Вот теперешний адрес Отто Струве:

Господину Отто Струве, офицеру русской армии, артиллерийский дивизион генерала Дроздовского, батарея № 3, до востребования, Галлиполи, Турция.

Пожалуйста, направьте Отто Струве Ваше письмо с копией для меня, на случай, если тем временем изменится его адрес. С наилучшими поздравлениями и пожеланиями в Новом году. Пауль Гутник» [93].

Тем временем, зимним декабрьским днем 1920 г., Отто Струве увольняется из рядов Дроздовского артдивизиона, в подтверждение чего ему было выдано «Удостоверение № 289», теперь ставшее его единственным основным документом: «Дано сие подпоручику Дроздовского артиллерийского дивизиона Струве О.Л. в том, что он освобождён вовсе от службы и направляется как беженец в город Константинополь, что подписью и приложением казённой печати удостоверяется. Основание: приказ Главнокомандующего № 4285 от 21 декабря 1920 г. Лагерь у г. Галлиполи» [13].

Встретив Новый 1921-й год в кругу товарищей по военному лагерю (вместо новогоднего дерева палатки украшали ветки можжевельника [98. С. 799]), 5 января 1921 г. Отто Струве получает разрешение от властей Галлиполи [13] на поездки в Константинополь, но с обязательным условием проживания в палаточном городке Галлиполи: те, кто освобождался от действительной военной службы, не имели права дальнейшего самостоятельного обустройства. Они переходили в ряды «беженского батальона», сформированного в январе 1921 г. [72. С. 37].

11 марта 1921 г., получив накануне сообщение из Германии о предполагаемом получении благоприятных вестей из Соединён-

ных Штатов, Отто Людвигович сам направляет письмо¹⁵ Эдвину Б. Фросту, в котором излагает свою просьбу:

«Глубокоуважаемый господин профессор!

Я слышал от профессора Гутника из Берлин-Бабельсберга, что Вы хотели бы сделать мне значительное предложение: назначить меня ассистентом по звёздной спектроскопии в Йеркской обсерватории. Позвольте мне, уважаемый господин профессор, выразить Вам мою искреннюю признательность за такое предложение и дружеские намерения, которые Вы этим продемонстрировали. Естественно, я с радостью приеду в знаменитую Йеркскую обсерваторию и приложу максимум стараний, чтобы хорошо выполнять работу. Кроме того, я чувствую, что мне следует честно признаться в том, что я достаточно хорошо разбираюсь в области астрономического спектрального анализа, но не имею практических навыков. Уверяю Вас, что во время моего пребывания в университете [Харьковском. – Авт.], я регулярно слушал лекции по астрономической спектроскопии приват-доцента (Герасимовича), но, к сожалению, в обсерватории в Харькове (Россия) мы не имели в своем распоряжении необходимых инструментов для спектроскопических исследований. С того времени я практически работал только в области непосредственных астрономических измерений. Должно быть, эта ситуация не станет препятствием для моего назначения в Чикаго, (и) я с радостью приму Ваше приглашение. Что касается формальностей, связанных с моим отъездом в Соединенные Штаты: могу ли я просить Вас выслать полностью всё, что необходимо для выезда, профессору Гутнику или моей тете, фрейлен Еве фон Струве (Берлин – Штиглиц, Грюнвальдтрассе, 6а)? Мой адрес может измениться в любое время, то есть мои сегодняшние условия обитания в Галлиполи могут измениться со дня на день. Кроме того, я вынужден просить Вас направить мне денежную сумму для оплаты проезда. Это означает, что в данный момент я совершенно без средств, так как в ноябре прошлого года я ещё состоял офицером армии генерала Врангеля, но был вынужден бежать из России, чтобы сохранить свою жизнь.

Моя тетя, с которой я постоянно переписываюсь, перешлёт всё для меня. Уволившись [из армии. – Авт.], я должен буду в течение длительного времени оставаться в Галлиполи или Константинополе, и я хочу сказать Вам сейчас, что Ваша корреспонденция может быть направлена прямо ко мне или в американское консульство в Константинополе.

В заключение, позвольте мне напомнить Вам, что я лишь немного владею английским языком, но я постараюсь исправить этот недостаток при первой же возможности.

Позвольте мне, уважаемый господин профессор, выразить Вам свою искреннюю признательность. С величайшим почтением, Отто Струве. Галлиполи, Турция» [94].

Из Галлиполи в Константинополь можно было добраться на французской шхуне «Soglassie», курсировавшей в этом районе [99. С. 735–736]. В Константинополе Отто Струве вместе с другими демобилизованными офицерами брался за самые тяжёлые

¹⁵ Текст оригинала письма составлен на немецком языке, перевод на английский язык выполнен Кевином Кришунасом, на русский язык – автором.

работы: строительные, валку леса. В советской России газеты писали: «Из Константинополя сообщают, что в результате произведённой регистрации русских беженцев союзники выделили кадры русской молодёжи от 18 до 30 лет и отправили их на побережье Мраморного моря, в Скутари, и другие места для тяжёлых работ, заставляя их резать проволочные заграждения, носить непосильные тяжести. Начальниками над русскими беженцами поставлены американцы. Беженцы, вчерашние буржуа, по милости своих покровителей работают, как скот, при очень дурном питании. В первые же дни наблюдались случаи заболеваний. Сейчас формируется вторая группа беженцев для таких же работ в возрасте от 30 до 40 лет» [89].

Подолгу ожидая предложений от представительств различных иностранных (в первую очередь, американских) организаций, беженцам иногда удавалось заполучить немного выше оплачиваемую (в сравнении с условиями местных работодателей), но, опять же, кратковременную работу.

Именно так Отто Струве попал на работу в подготовительное отделение американского женского колледжа. Директор колледжа В.С. Мюррей по его просьбе составил «Рекомендательное письмо»:

«2 июля 1921 г. Тем, к кому это может относиться. Мистер О. Струве работал у меня пять дней. Я очень признателен ему за его добросовестность. Если в дальнейшем мы будем испытывать необходимость в каких-то работниках, то мы непременно ждали бы сотрудничать с мистером Струве» [13].

* * *

Для получения постоянного места работы были необходимы документы, и в мае 1921 г. Отто Людвиговичу, наконец, удаётся разрешить и этот сложный вопрос: в паспортно-пропускном отделении при Военном агенте подтвердили его личность, выдав 12 мая 1921 г. «Удостоверение» за № 1275 [13], дававшее право на получение гражданского паспорта. Уже 13 мая 1921 г. Струве получил в консульской части Российской дипломатической миссии в Константинополе паспорт за № 10287, в котором значилось буквально следующее: «Объявляется через сие всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что показатель сего Оттон Людвигович Струве, русский гражданин, 23 лет, продолжает оставаться в Константинополе. Во свидетельство того и для свободного проезда дан О.Л. Струве сей паспорт» [13].

В воспоминаниях коллег О.Л. Струве, в его собственных рассказах о тех днях часто встречается следующий эпизод. Весенним днём 1921 г., когда он [О. Струве] сидел на скамейке в константинопольском парке, наконец произошло то, чего он с таким нетерпением ожидал в течение нескольких месяцев: знакомый русский офицер принёс ему письмо, пришедшее в лагерь накануне (конверт был уже вскрыт: офицеры предполагали, что там могут находиться деньги). Струве было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что оно не от немецких родственников, – ведь адрес на конверте был написан по-английски. И именно поэтому долгожданная радость опять отдалась: Отто Людвигович, не знавший английского языка, не смог прочитать ни строчки [88. С. 5].

Истратив часть из своих скучных сбережений, он даже приобрёл небольшой русско-английский словарик, но это примитивное «карманное» издание не содержало необходимых ему толкований для перевода сложных фраз. Отчаявшись самостоятельно прочесть письмо, Отто Струве обратился в представительство Y.M.C.A.¹⁶ в Константинополе, предварительно полистав свой словарик для расшифровки и этой непонятной ему аббревиатуры. Он справедливо рассудил, что именно здесь ему помогут. В миссии Струве познакомился с американцем С. Аресоном, свободно изъяснявшимся по-русски, и тот помог ему с переводом. Письмо, конечно же, было от Эдвина Фроста, директора Йеркской обсерватории при Чикагском университете. В конверт также была вложена фотография Йеркской обсерватории, расположенной в городке Вильямс-Бэй. Струве поинтересовался у Аресона, не знакома ли ему эта местность? Неожиданно выяснилось, что Аресон был родом из соседнего городка Элхорн, и, более того, он лично знал Фроста [29. С. 66]. Невероятное совпадение!

Мечта почти осуществилась... Фрост писал о следующем¹⁷:

«Мой уважаемый сэр,

Недавно я узнал от друзей Вашей семьи в Берлине, что Вы очень хотите приехать в Америку, воспользовавшись удобным случаем, поработать в области астрономии. 27 января я написал профессору Гутнику в Берлин-Бабельсберг предварительный ответ. Я посоветовался с президентом Чикагского университета для того, чтобы я мог вести с Вами этот разговор, поэтому сообщаю о его содержании, хотя эти вести могли уже дойти к Вам из Берлина.

¹⁶ Young Mens Christian Association (Американский христианский союз молодых людей), благотворительная организация.

¹⁷ Письмо датировано 2 марта 1921 г.

У нас предполагается вакансия на должность ассистента по звёздной спектроскопии с 1 июля 1921 г., но её можно было бы занять и несколько раньше, если Вы изыщите возможность прибыть в самом начале мая. На данный момент заработкая плата по этой должности составляет 75 долларов в месяц (семьдесят пять долларов). К сожалению, я вынужден констатировать, что это мизерная сумма, но она будет достаточной для проживания здесь, в Вильямс-Бэй, и у меня нет никаких сомнений, что Вы будете приветствовать такую удачную возможность поработать в области звёздной спектроскопии, практически ознакомиться с которой Вы ещё не имели возможности.

Мы планируем расширить перспективу по этой должности (что касается заработной платы), как только получим гарантию того, что руководство Чикагского университета сочтет это необходимым. Вы сможете занять комнату в обсерватории и, таким образом, сократить некоторые расходы (так очень часто поступает самый молодой сотрудник нашего коллектива).

Реализуя эту, как мне кажется, желанную для Вас возможность, Вы, вероятно, сможете оформить визу по любым русским документам, которые у Вас есть, у генерального американского консула или специального уполномоченного в Константинополе.

Я прилагаю письмо, которое может быть Вами использовано в случае, если Вы решите начать подготовку к переезду в Америку, чтобы занять предлагаемую должность.

Кроме того, я хочу чтобы Вы сообщили мне: в состоянии ли Вы оплатить свой проезд в Нью-Йорк и Вильямс-Бэй из тех средств, которыми Вы располагаете. Если нет, – можете ли Вы найти в Константинополе необходимую сумму для поездки в Нью-Йорк? Желательно, чтобы Вы имели (в своем кармане) не меньше 75 долларов на общие расходы и железнодорожные билеты уже после Вашего прибытия в Нью-Йорк.

Я общаюсь с Центральным американским комитетом помощи русским, расположенным в Бэкингемской гостинице (угол Пятнадцатой авеню и Пятидесятой улицы, город Нью-Йорк), и абсолютно реально, что они смогли бы оказать Вам какую-то помощь. Существует и другой вариант: я мог бы лично получить необходимые средства, чтобы обеспечить Ваш приезд в Соединенные Штаты, в г. Нью-Йорк. Необходимая сумма выплачивается в том случае, когда приезжающий уже имеет гарантированную оплачиваемую должность. Принцесса Кантакузене является главой этого комитета в Нью-Йорке, а господин Монтгомери Шайлер – её секретарем. У меня есть от него письмо по этому поводу.

Я направляю копию этого письма в Берлин-Бабельсбергскую обсерваторию, чтобы таким образом Ваши друзья смогли бы попытаться ознакомить Вас с данной информацией.

Как можно скорее позвольте мне услышать от Вас положительный ответ, так как срок предложения может быть ограничен. Было бы очень хорошо, если бы Вы начали действовать немедленно, в случае если Вы, конечно, пожелаете приехать.

Искренне Ваш, Эдвин Б. Фрост, директор Йеркской обсерватории» [15].

В быстром оформлении выездных документов из Турции Отто Струве очень помог Аресон (к счастью, он был знаком и с американским консулом в Константинополе). Именно он передал в консульство следующую записку:

«Податель сего профессор [! – Авт.] Струве, желающий уехать в Соединённые Штаты. Я буду Вам признателен за любую помощь, которую Вы сможете ему оказать» [13].

При оформлении необходимых выездных документов Отто Струве очень пригодилось также письмо¹⁸, вложенное Э. Фростом в конверт дополнительно:

«Тем, к кому это может относиться:

Данным подтверждается, что доктору Отто Струве, недавно [прибывшему. – Авт.] из Харькова, Россия, предложена должность ассистента Йеркской обсерватории Чикагского университета в г. Вильямс-Бэй, Висконсин.

Данным гарантируется, что он получит заработную плату, достаточную для проживания, после того, как он начнет работать здесь [т.е. в Йеркской обсерватории. – Авт]. Все иные предложения помощи, которые могут быть оказаны ему другими должностными лицами правительства Соединенных Штатов в Константинополе или где-нибудь еще, были бы высоко оценены как нами, так и доктором Струве.

Эдвин Б. Фрост, директор Йеркской обсерватории, 2 марта 1921 г.» [14].

Но далее у Отто Людвиговича возникли многочисленные проблемы с оформлением документов. Современные американские историки объясняют этот факт тем, что чиновники США того периода видели в каждом русском (российским гражданине) большевика. Иными словами, у Отто Людвиговича не было ни одного реального шанса получить разрешение на въезд, укажи он о себе правдивые сведения [36. С. 374]. Возможно, что помочь в подготовке документов оказали и эстонские родственники Струве (из г. Юрьева), но, во всяком случае, Отто Людвигович получил выездной (заграничный) паспорт (за № 107) [13] на имя гражданина Эстонии. В облике человека, изображённого на фотографии в паспорте, только с большим трудом можно узнать Отто Струве. В декларации (форма № 288) Отто Людвигович собственноручно записал о себе следующее: национальность – эстонец; место рождения – г. Дерпт, Эстония; в графе: «участие в Мировой [Первой. – Авт.] войне» записал «не участвовал» [13].

Лето 1921 года ушло на оформление необходимых документов. 31 августа О. Струве выполнил последнюю формальность: получил в американском госпитале Константинополя «Медицинское свидетельство»¹⁹ [13] за подпись директора госпиталя А.Р. Гувера, также дававшее ему право на въезд в США. Впереди было длительное (около месяца) морское путешествие к берегам Нового Света на грузовом американском корабле «Ног

¹⁸ Письмо датировано 2 марта 1921 г.

¹⁹ «Certificate of Health».

Island». 7 октября 1921 г. уже не изгнаник, а сотрудник Йеркской обсерватории, ассистент по звёздной спектроскопии с месячным окладом в 75 долларов, О.Л. Струве прибыл в Нью-Йорк [14].

В порту Отто Струве встретил русский представитель благотворительного комитета, сопровождавший его далее в мегаполисе до железнодорожного вокзала. 10 октября 1921 г. О.Л. Струве приехал в маленький американский городок Вильямс-Бэй, штат Висконсин, место расположения Йеркской обсерватории. Внешне он выглядел уже «100%-ным американцем»: в Нью-Йорке на «блошином» рынке сменил потёртый мундир (и, видимо, истрачив остатки средств), приобрёл несколько экстравагантный вид. По одной версии он был одет в оранжевые ботинки, бордовые брюки и зелёный пиджак [36. С. 356], по другой, со ссылкой на воспоминания Мэри Струве, жены астронома, – в штат Висконсин О. Струве прибыл одетым в зелёную шляпу, голубое пальто, коричневые брюки и ярко рыжую обувь [25. С. 285]. Во всяком случае, оба источника сходятся в том, что он мог выглядеть примерно так...

5. Йеркский период (1921–1950 гг.)

Дальнейший, Йеркский, период жизни О. Струве растянулся на долгие 29 лет, в течение которых он и смог совершить свою блестательную научную карьеру астронома.

После переезда в Соединенные Штаты всё своё свободное время он посвящал доскональному изучению английского языка. Вместе с Эдвином Фростом и Джорджем ван Бисбруком (1880–1974) О. Струве работал секретарём в общественной организации – Комитете помощи²⁰ русским астрономам. Они отправляли посылки с продуктами и одеждой во многие города России. Фонд комитета постоянно пополнялся за счет пожертвований, благотворительных сборов проводимых американскими астрономами и их семьями, во всех уголках Соединенных Штатов [36. С. 358]. В это же время появилась первая публикация Отто Струве.

²⁰ Речь идёт об American Relief Administration – правительственной организации США, созданной в 1919 г. под руководством Г. Гувера. Её основной задачей было оказание помощи европейским странам, пострадавшим в Первой мировой войне. По Рижскому договору (1921) с РСФСР и Московскому договору (1922) с УССР деятельность ARA была разрешена в некоторых губерниях советской России (Поволжье, Екатеринославская, Донецкая, Киевская, Одесская, Харьковская губернии, в Крыму). На территории СССР деятельность ARA прекращена в июне 1923 г.

ве – «Помощь русским астрономам», написанная пока еще на русском языке [85].

В конце 1923 г. О. Струве получил докторскую степень (Ph.D – «доктор философии») в Чикагском университете, защитив 8 декабря диссертацию «Изучение короткопериодических спектрально-двойных звезд» («A study of short-period spectroscopic binaries»). Буквально сразу же после защиты появляются его первые самостоятельные научные статьи²¹.

Ещё до защиты диссертации перспективный докторант Отто Струве получил от администрации Чикагского университета предложение. В письме, датированном 9 июня 1923 г., говорилось:

«Уважаемый мистер Струве,

Я извещаю Вас о том, что Вы назначены ассистентом при кафедре астрономии в течение летнего и осеннего квартала 1923 года с заработной платой в 450 долларов.

Положения “Устава университета” при этом назначении допускают выбор кандидата опекунским Советом университета.

Если Вы желаете принять это назначение, будьте добры поставить Ваше имя в указанном месте [формы, приложенной к письму. – Авт.], используя самокопирующийся лист, который, будьте любезны, сразу же мне вернуть.

Получение такого подтверждения при занятии должности является неотъемлемым условием для завершения регистрации Вашего назначения в ревизорском отделе и секретариате. Искренне Ваш, Джеймс С. Диккерсон, Секретарь» [15]²².

Ещё в 1922 г. О.Л. Струве познакомился с Мэри Мартой Лэннинг, работавшей секретарем в Йеркской обсерватории²³. На протяжении трёх лет он ухаживал за ней. В 1925 г. Отто и Мэри решили пожениться. Уже был назначен день их бракосочетания, но существовала проблема с документами Отто: он, всё

²¹ Первая научная статья О. Струве была посвящена визуально-двойной звезде 9 Арго, которая одновременно является спектрально-двойной, имея период изменения блеска 23,5 года («On the Double Star 9 Argus» // Astrophysical Journal. 1923. Vol. 58. P. 138–140); вторая освещала проблему изучения спектрально-двойной θ² Ориона («On the Nature of Spectroscopic Binaries of Short Period» // Astrophysical Journal. 1924. Vol. 60. P. 167–174).

²² Здесь необходимо отметить, что к моменту защиты диссертации зарплата О. Струве уже составляла вполне приличную, по тем временам, сумму: 1800 долларов в год, т.е. удвоилась со времени начала его трудовой деятельности в Соединённых Штатах [14].

²³ Некоторые биографы указывают, что Мэри Лэннинг до замужества зарабатывала на жизнь пением [40]. Сейчас сложно утверждать что-либо, но известно, что Мэри Марта Лэннинг имела музыкальное образование, окончив Чикагский музыкальный колледж [22].

ещё не имевший американского гражданства (и американских документов), вынужден был снова обратиться за помощью к своему покровителю Эдвину Фросту. Вникнув в ситуацию, Эдвин Б. Фрост 19 мая 1925 г. выдал Отто Струве достаточно необычный для обсерваторского делопроизводства документ:

«Это дано для предъявления при любых обстоятельствах относительно министра Отто Струве, преподавателя Чикагского университета и члена персонала Йеркской обсерватории.

Это также может рассматриваться в качестве свидетельства, подтверждающего его личность в случаях, когда таковое может быть затребовано.

По моему предложению мистер Струве ниже поставил свою личную подпись [как образец. – Авт.]. Эдвин Б. Фрост, Директор Йеркской обсерватории» [14].

Два дня спустя, 21 мая 1925 г., суд города Маскегон, штат Мичиган, выдал счастливым молодоженам брачное «Свидетельство» за № 7080, и они отправились в соседний городок Волверин, место рождения невесты, где проживала вся семья теперь уже Мэри Марты Струве [14].

Наоми Гринстейн (жена американского астронома Джесси Гринстейна), близко знавшая чету Струве, вспоминала, как Мэри Струве делилась с ней первыми впечатлениями после замужества:

«Мэри рассказала мне, что, когда они с Отто только поженились, они испытывали глубокие романтические чувства; как они зимой катались на коньках по заснеженному озеру Женева [штат Висконсин. – Авт.], и Отто пел для неё романтические русские песни...» [32. С. 2].

Вскоре у Мэри обнаружилось несколько серьёзных заболеваний. Это был её второй брак, и она не могла иметь детей. Отто Струве очень переживал из-за этого и даже хотел усыновить ребёнка, чтобы иметь наследника (который, конечно же, продолжил бы знаменитую фамилию), но под разными предлогами получал от Мэри отказ.

Из воспоминаний Наоми Гринстейн:

«... Однажды, я припоминаю, как Отто Струве был у нас, дома, и мы заговорили о детях. Всем было известно, как он очень хотел иметь наследника, чтобы продолжить их астрономическую династию. И в тот день он сказал, что абсолютно счастлив, так как они с Мэри договорились усыновить ребенка. Мне кажется, что ребенку было тогда около четырёх лет, и Отто уже достиг определённых договоренностей по этому вопросу с нужными людьми в Чикаго. В тот день Отто был действительно безгранично счастлив и говорил, что Мэри уже чувствует себя намного лучше, хотя это и не гарантирует безопасности для её здоровья на случай, чтобы иметь собственных детей, и что они окончательно решили усыновить этого мальчика.

Вскоре после этого разговора я была дома у Струве наедине с Мэри и сказала что-то, вроде того: «... будет огромным счастьем и для тебя, и для Отто, ко-

гда вы усыновите этого ребенка". Мэри, которая всегда говорила тихо и не спеша, ответила: "Ну да, мы могли бы сделать это, но я задумываюсь о том, что мы часто проводим время, иногда даже по несколько месяцев, в нашем доме в Макдоналдской обсерватории. Наоми, я поняла, что будет нехорошо возить ребенка туда-сюда из Йеркса в Макдоналд" [то есть, из штата Висконсин в южный штат Техас. – Авт.].

В тот раз я впервые поняла, что это был эгоизм «чистой воды». Мы все ездили в Макдоналдскую обсерваторию. Многие брали туда с собой детей. Гора, на которой был расположен уютный домик семьи Струве, была идеальным местом. Там жили и другие семьи – Сейферты и Элвейс. Многие имели детей, они там вместе играли и ходили в школу. Это была только отговорка, чтобы прекратить разговор...» [32. С. 2–3].

Пятым поколению астрономической династии Струве не суждено было вновь удивить мир. И Отто Людвигович это прекрасно понимал...

* * *

В 1924 г. Отто Струве становится преподавателем Чикагского университета, с 1927 г. – он ассистент профессора, в 1930 г. – получает звание доцента (associated professor), в 1932 г. – профессора Чикагского университета.

В 20-х годах XX в. в США одновременно функционировало несколько благотворительных фондов, основанных Рокфеллером. В 1923 г. возник ещё один: Международный совет по образованию (International Education Board – IEB), финансировавший науку во всём мире. Идея его создания принадлежала Виклиффу Роузу, деятельность которого была столь активной, что он на какое-то время стал «главным банкиром научного мира» [34. С. 83].

Расцвет деятельности IEB приходится на период 1924–1928 гг. Так, в 1928 г. IEB выделил самый большой грант – 6 млн долларов – на строительство мощного телескопа в обсерватории Маунт-Паломар (Калифорния); завершившееся только после Второй мировой войны, когда самого IEB уже давно не существовало²⁴.

Правила предоставления стипендий в IEB были разработаны в 1924 г. Основной целью их присуждения объявлялась «подготовка кадров в выбранных областях», и потому стипендия назначалась только лицам «с исключительными способностями». Претендовать на неё могли лишь активно работавшие учёные, не старше 35 лет и обычно уже имевшие какой-то аналог учёной

²⁴ Обсерватория Маунт-Паломар была построена в 1947 г.

степени (т.е. такая система напоминает современные postdoctoral fellowships).

Стандартная процедура выдвижения кандидата состояла в том, что заполненную им анкету в фонд направлял кто-то из видных учёных, часто его научный руководитель. Вторым анкету должен был подписать и тем самым поддержать рекомендательное выдвижение тот учёный, к кому кандидат намеревался поехать (стипендия выдавалась исключительно для работы за границей и равнялась эквиваленту от 120 до 200 долларов США в месяц (для женатых претендентов). Отдельно оплачивались расходы на дорогу и научные исследования. По окончании стипендиат должен был написать отчёт о проделанной работе [34. С. 90].

Остановимся подробнее на таком мало известном факте в биографии учёного-астронома: получение О.Л. Струве стипендии Международного совета по образованию при Рокфеллеровском фонде. Среди документов Рокфеллеровского фонда ГЕВ этого периода под № 14 сохранилась форма заполненной карточки на его имя:

«Струве Отто Людвигович; 1897; физика (астрофизика); Ph. D. Чикагский университет, 1923, преподаватель астрофизики; Йеркская обсерватория Чикагского университета; кто представил к стипендии: Эдвин Б. Фрост (Йеркская обсерватория); даты утверждения, начала и конца стипендии, место работы стипендиата (руководителя): 06.04. 1926; 01.06. 1926; 01.10. 1926, обсерватория Маунт-Вилсон, Ловелловская обсерватория, Ликская обсерватория; место работы после окончания стипендии, должность: Йеркская обсерватория Чикагского университета, профессор с 1932 г.» [34. С. 104].

В 1925 г., к моменту женитьбы Отто Людвиговича, всей его семье наконец удалось воссоединиться: в Соединённые Штаты приехала мать, Елизавета Христофоровна (сестра Отто, Ядвига, умерла в России перед самым отъездом от прогрессирующей болезни – туберкулеза). Осуществить переезд матери в Соединённые Штаты опять удалось исключительно с помощью Эдвина Фроста. Он подготовил необходимые документы, по которым Элизабет Струве являлась представителем Йеркской обсерватории: в качестве наблюдателя полного солнечного затмения 24 января 1925 г. с борта атлантического парохода (для этого Е.Х. Струве пришлось выехать в Германию). Самым критическим моментом путешествия стала снежная буря, полностью накрывшая пароход и едва не вынудившая капитана повернуть судно обратным курсом [36. С. 357].

Но готовилась к отъезду и сестра О. Струве, харьковчанка Ядвига Людвиговна Струве. Она спешно оформляла документы:

уволилась из Харьковского технологического института, указав причину в своем Заявлении:

«Обращаюсь в канцелярию Харьковского технологического института с просьбой выдать мне удостоверение о том, что я по собственному заявлению освобождена от исполнения своих обязанностей как преподавательница немецкого языка вследствие выезда в Америку.

Ввиду того, что для получения загранпаспорта таковое удостоверение должно быть подано в Губисполком, прошу выдать мне его в двух экземплярах.

Кроме того, прошу выдать мне удостоверение о том, что с сентября 1921 г. по февраль 1924 г. я состояла преподавательницей немецкого языка Харьковского технологического института. Ядвиге Струве, 21 февраля 1924 г.» [19. Л. 11].

3 марта 1924 г. были подготовлены все необходимые документы (удостоверения за № 402, 403), где указывалось, что «настоящее удостоверение выдано гр. Струве Ядвиге Людвиговне в том, что она состояла на службе в Харьковском технологическом институте имени В.И. Ленина (Ульянова) и на рабочем факультете при нём. Гр. Струве уволена от службы по собственному желанию в виду выезда за границу» [19. Л. 10].

* * *

26 сентября 1927 г. суд города Элхорн, штат Висконсин, выдал на руки Отто Людвиговичу Струве «Свидетельство» № 2 094 700 [14; 66. С. 335], объявлявшее его полноправным гражданином Соединенных Штатов. Этот документ приносит ему некоторое успокоение и в первую очередь – уверенность в завтрашнем дне.

Ещё за год до получения профессорского звания (1931) Э. Фрост предложил О.Л. Струве должность заместителя директора обсерватории. Это сразу же вызвало протест сотрудников, коренных американцев, но он всё же смог отстоять своё решение. Когда же в 1932 г. Фрост заявил об уходе на пенсию, то уже беспрепятственно передал руководство талантливому заместителю²⁵.

С 1 июля 1932 г. Отто Струве возглавил Йеркскую обсерваторию. Он стал третьим директором Йеркской обсерватории,

²⁵ Для исторически объективного рассмотрения ситуации нужно вспомнить, что именно на 1932 г. приходился пик «Великой американской депрессии»; огромное количество коренного населения США осталось без работы и, естественно, сложилось крайне негативное отношение к эмигрантам. Ситуация усложняется печально известной славой города Чикаго как одного из центров расовой дискриминации того периода.

переживавшей в те годы серьёзный кадровый кризис. Блестяще одаренные выпускники ведущих американских университетов не спешили претендовать на низкооплачиваемую (в сравнении с другими обсерваториями) работу в Йерксе. Поэтому большинство астрономов, работавших здесь, были иностранцами. Это Джерард Койпер (1905–1973) из Голландии; Бенгт Стрёмгрен (1908–1987) из Дании; Субрахманьян Чандрасекар (1910–1995) из Индии (нобелевский лауреат 1983 г. по физике); Герхард Херцберг (1904–1999) из Германии (нобелевский лауреат 1971 г. по химии). Из числа американских астрономов, рождённых в Соединенных Штатах, сотрудниками О. Струве стали не менее талантливые молодые учёные: Джесси Гринстейн (1909–2002), Уильям Морган (1906–1994), Гарольд Макнамара.

В том же 1932 г. по традиции, сложившейся со времени начала строительства (1892) и основания (1897) Джорджем Эллери Хейлом (1868–1938) Йеркской обсерватории и ещё тогда добившегося учреждения «Астрофизического журнала» (1895), изданием которого занимался Чикагский университет, О.Л. Струве, возглавив Йеркскую обсерваторию, стал его редактором. За время пребывания на этом посту Струве превращает журнал из второстепенного профильного в общенациональное издание. Позже его собственный ученик и преемник С. Чандрасекар напишет:

«Астрофизический журнал» имеет особые причины быть благодарным доктору Отто Струве: его вера в необходимость существования журнала поддерживала издание на протяжении огромного трудного периода, включающего годы войны 1939–1945 гг. ... Когда Генри Гэйл [в то время декан астрономического факультета. – Авт.] хотел закрыть «Астрофизический журнал», Струве сказал ему, что, по его мнению, существование журнала более важно, чем существование самой Йеркской обсерватории.

Деятельность О. Струве в «Астрофизическом журнале» непрерывно продолжалась с 1932 по 1947 год (тома с № 76 по № 105), однако редакционный архив указывает, что период его активного участия в издании «Астрофизического журнала» начинается ещё в 1927 году... Струве заложил большинство первоначальных «ступеней» в направлении достижения общенациональной задачи, но полностью эта цель была реализована только в 1952 г., когда журнал стал одним из официальных печатных органов Американского астрономического общества...» [24].

Сам О.Л. Струве активно работал для журнала и как автор, опубликовав в нём в общей сложности 223 статьи объёмом 2390 страниц.

В начале 30-х годов XX в. О.Л. Струве удалось осуществить уникальный проект по объединению средств и усилий двух уни-

верситетов – Чикагского и Техасского (поскольку под названием «Техасский» объединены несколько университетов, различающиеся по городам месторасположения, в данном случае, имеется ввиду The University of Texas at Austin), связанный со строительством новой обсерватории. История проекта такова.

Техасский банкир Уильям Дж. Макдоналд (1844–1926) завещал Техасскому университету огромную по тем временам сумму денег (\$800 000) для постройки астрономической обсерватории, чем сильно озабочил его правление, не имевшего в своем распоряжении сотрудников, способных организационно справиться с решением подобной сложной и ответственной задачи. Более того, наследники банкира долго не хотели мириться с таким распоряжением почившего родственника, оспаривая именно такой способ использования «их» денег. Они даже пытались трактовать данное волеизъявление Уильяма Макдоналда прямым свидетельством умопомешательства.

Переговоры университетской администрации с директорами ряда обсерваторий (в том числе и Йеркской) ни к чему не привели; деньги оставались невостребованными, пока о них от Э. Фроста не узнал Отто Людвигович.

Именно он подготовил и воплотил в жизнь беспрецедентное соглашение: деньги, завещанные У. Макдоналдом, пошли на постройку 82-дюймового телескопа (1939). Этот двухметровый телескоп стал вторым в мире по своим размерам (больше был только 100-дюймовый телескоп на горе Вилсон); установили его в обсерватории, с тех пор управляемой уже совместно, представителями Техасского и Чикагского университетов, на протяжении целых 30 лет (1932–1962). О.Л. Струве скрупулёзно предусмотрел не только права и обязанности совладельцев, но даже распределение между ними наблюдательного времени. На его долю пришлись заботы по выбору места, организации проектирования, возведения и обустройства новой обсерватории и телескопа. На высоте 6800 футов (2000 м) над уровнем моря, на вершине горы Локе в округе Джейф Дэвис, в совершенно недоступном для любых световых помех районе западного Техаса (до ближайшего большого города было около 250 км) расположилось его детище – новая обсерватория Макдоналд. Вскоре она стала крупным астрономическим центром США. Закономерно, что доктору О. Струве и было предложено возглавить этот новый научный центр [64. С. 101].

Существует версия биографов, что в 1932 г., вступая в должность директора Йеркской обсерватории, О.Л. Струве считал

вершиной в своей административной карьере руководство не одной, а одновременно двумя обсерваториями [36. С. 361].

Опыт практического возведения обсерватории очень пригодился О.Л. Струве в дальнейшем: в начале 50-х годов Национальным фондом по развитию научных исследований США²⁶ была основана Ассоциация университетов, занимавшаяся научными исследованиями в области астрономии – AURA (The Association of Universities for Research in Astronomy)²⁷. Одной из её задач являлась не только организация работ по строительству объектов, их оборудованию, но и дальнейшее руководство научными исследованиями в новой Национальной обсерватории Китт Пик (Kitt Peak National Observatory) в г. Таксон (Тусон), Аризона (1953). Естественно, что Отто Людвигович Струве вошёл в первоначальный состав организационного комитета по строительству обсерватории [37].

И как администратор, и как научный руководитель О.Л. Струве постоянно работал на перспективу: беспокоился о замещении вакантных обсерваторских должностей. В период «Великой американской депрессии», пиком которой непосредственно стал 1932 г., Струве интересовался наймом (приглашением) иностранных астрономов, в то время как многие коренные американцы оставались без работы. Показателен в его биографии следующий факт.

Жена его заместителя Джорджа ван Бисбрука написала письмо на родину в Бельгию (позднее оно было опубликовано в одном из научно-популярных астрономических журналов), в котором, между прочим, отметила, что Йеркской обсерваторией управляют «два европейца», и что Дж. ван Бисбрук сменил «коренного» американца У. Моргана на должности заместителя директора обсерватории. Это обстоятельство определённым образом ставило под удар и особенно возмутило всегда корректного Отто Струве [36. С. 364].

В 1946 г., после Второй мировой войны, О. Струве вместе с коллегами Харлоу Шепли (1885–1972) и Джоуэлом Стеббинсом (1878–1966) предпринимает деловую поездку в Европу, конечной целью которой был Копенгаген. Здесь велись переговоры с

²⁶ Учрежден правителством США для поощрения и финансирования исследовательских работ в ведущих областях науки.

²⁷ Совет AURA состоял из 18 членов от девяти университетов (Калифорнийского, Индианы, Огайо, Висконсина, Мичигана, Чикагского, Гарвардского, Принстоновского, Йельского) [86. С. 20].

европейскими коллегами о возобновлении деятельности Международного астрономического союза (МАС)²⁸. Для осуществления этой ответственной миссии не случайно были определены три самых влиятельных американских астронома того времени (коллеги называли их «три С»), причём, Отто Струве среди них был самым молодым [71. С. 504].

Позже, готовясь к торжественной речи на открытии заседания МАС, состоявшегося в 1955 г. в Дублине, и вспоминая именно эту поездку, Отто Людвигович записал в черновом варианте выступления:

«... мартающим штормовым утром 1946 г. доктор Шепли, доктор Стеббинс и я на борту нашего трансатлантического самолёта приземлились в аэропорту Шэннона (Эйре). Шэннон не был тогда таким, как сейчас, – ежедневно принимающим тысячи путешественников. Но, к нашему удивлению, зал ожидания был переполнен людьми. Мы ожидали объявления о том, что наш рейс будет продолжен, когда Стеббинс привлечёт моё внимание к появившемуся утончённому джентльмену, присевшему напротив нас. Я увидел лицо, которое показалось мне поразительно знакомым, но никак не мог вспомнить, кто же это. Мы окликнули служителя и спросили его. Мальчишка-служитель оказался удивлённым и даже немного рассерженным нашей неосведомлённостью: “Вы не знаете, кто это? Есть только один Дейв!...”. Шепли, который всегда интересовался международными связями в астрономии, принявший на себя обязательства по распланировке объединений обсерваторий в Африке при участии Агмага, Дунсинка и Гарварда, спросил его о том, может ли он заговорить с мистером де Валера? “Конечно, – прозвучал ответ, – в нашей стране любой может заговорить с премьер-министром!”

Мистер де Валера [Имон де Валера²⁹. – Авт.] прибыл в аэропорт, чтобы встретить американских кардиналов, возвращавшихся домой из поездки в Ватикан. Плохая погода изменила их планы и, также как нас, заставила задержаться в Ирландии на 24 часа. Мы провели ночь в небольшой гостинице «Синий боров» в Типперери – название, знакомое мне из популярной песни “Этот долгий, долгий путь в Типперери...”» [60. С. 1].

В перерывах между заседаниями Копенгагенского совещания по организационным вопросам читались научные доклады; на одном из заседаний, посвящённом вопросу о межзвёздном веществе, О. Струве представил свой доклад, ознакомив присутствующих с наблюдательными и теоретическими результатами собственных исследований [46. С. 183].

²⁸ Дж. Стеббинс являлся членом Исполнительного комитета Международного астрономического союза; О. Струве и Х. Шепли представляли на данном совещании астрономов Соединённых Штатов.

²⁹ Имон де Валера (1882–1975) – ирландский политический деятель, в двадцатые годы XX в. возглавлял экстремистскую организацию ИРА (Ирландская республиканская армия), в 1932–1948, 1951–1959 гг. – премьер-министр Эйре (т.е. Ирландии), в 1959–1973 гг. – президент Ирландской республики.

На первом послевоенном съезде Международного астрономического союза в 1948 г. (Цюрих, Швейцария) Отто Струве был избран его вице-президентом; в сентябре 1952 г. (Рим, Италия) в помещении Капитолия состоялось торжественное открытие Восьмой Генеральной ассамблеи Международного астрономического союза. Необходимо подробнее коснуться этого представительства, отмеченного памятной вехой в биографии Отто Людвиговича.

Пленарные заседания проходили в Alta Magna – Большой аудитории Римского университета. Съезд собрал более 400 астрономов из 35 стран мира. На втором заседании, симпозиуме по эволюции звёзд, О. Струве был избран его председателем. Своё заключительное выступление, отметив огромное значение состоявшегося симпозиума, он завершил чтением последнего абзаца из доклада В.А. Амбарцумяна (1908–1996), другого вице-президента Союза, главы советской делегации. Это был его собственный перевод текста на английский язык – призыва советских учёных к международному сотрудничеству во имя мира во всем мире ...

Съезд утвердил новых членов Исполнительного комитета и место проведения следующей Ассамблеи, Девятого съезда МАС, – Дублин, Ирландия; большинством голосов (21 против 5) Исполнительный комитет вновь отклонил предложение Академии наук СССР о созыве следующего съезда в СССР. Президентом Союза был избран Отто Людвигович Струве, который вновь заявил, что «... сделает всё, от него зависящее, для укрепления мирного сотрудничества учёных» и особо подчеркнул свое желание сотрудничать с советскими астрономами [42. С. 755].

* * *

Приглашение коллег-астрономов из других стран, не ограниченных, как учёные Советского Союза, в возможностях выезда за пределы своей страны, стало нормой жизни научных коллективов в обсерваториях, возглавляемых Отто Струве. Среди них известные учёные Хендрик ван де Хюлст (1918–2000), Адриан Блаау (род. 1914), Марсел Миннарт (1893–1970), Ян Оорт (1900–1992), Гуилермо Аро (1913–1988), Альбрехт Унзольд (1905–1995), Хорхе Саад (1915–1999), с которыми Отто Струве тесно общался, для него не существовало каких-либо геополитических амбиций. Значительная часть личной и деловой переписки Астронома, сохранившейся в архивах, посвящена именно воп-

росам организации исключительно таких приглашений. В качестве иллюстративного примера можно привести несколько посланий О. Струве. Например, письмо к нобелевскому лауреату Яну Хендрику Оорту, директору Лейденской университетской обсерватории³⁰:

«Уважаемый Оорт,

Спасибо Вам за Ваше письмо от 13 февраля. Я обсудил его с Ньюменом и административными работниками университета. Это означает, что наиболее благоприятной датой для чтения Вашей общей лекции было бы 19 марта (среда), в 8 часов вечера. Все остальные дни плохо согласуются с другими лекциями и банкетами. С того момента, как Вы запланировали посетить Ликскую обсерваторию, я предполагал, что для Вас, возможно, будет приемлемым 19-е число. Если же нет, пожалуйста, дайте мне знать с ответным письмом или телеграммой; ведь мы должны изменить план какого-то из дней, несмотря на конфликтные обязательства. Если я ничего от Вас не дождусь, я предположу, что 19-е число будет для Вас удовлетворительно.

Ньюмен напишет Вам о коллоквиуме. Я надеюсь, что он попросит Вас рассказать для статистиков о кометах, возможно, даже днем 14 марта. Если Вы сможете выдержать такую нагрузку, мы очень просили бы Вас, кроме того, прочитать неформальную лекцию на астрономическом факультете по проблемам галактической структуры. Если вы почувствуете, что это для Вас слишком обременительно, я предлагаю пропустить третью тему; иными словами, статистики и астрономы позаботятся о своём присутствии на обеих беседах, которые, соответственно, они устраивают в статистической лаборатории и на астрономическом факультете.

Для проведения общей итоговой лекции мы предлагаем тему “Радиоастрономия”. Это слово обычно привлекает довольно разнородную аудиторию, в которой лишь несколько человек отчетливо располагают хорошими представлениями, и массой других слушателей, которые знают о ней крайне мало или вообще ничего. Было бы неплохо, если бы кто-нибудь в подобной общей лекции попытался определить конкретный низкий уровень [знаний присутствующих. – Авт.], а затем предположить, что некоторыми слушателями в аудитории едва ли надлежащим образом будет усвоен даже этот уровень.

Неформальная беседа по галактической структуре может быть назначена на 17-е или 18-е число. Ваш визит в Ликскую обсерваторию реален в один из выходных дней или даже, если Вы пожелаете, может дополнительно включить и понедельник; или – визит может быть заявлен как до, так и после 19-го числа. Я был бы счастлив подвезти Вас и миссис Оорт в Беркли на обратном пути. Если у Вас есть собственная машина, Вы можете приехать на ней и потом быть независимым относительно возвращения. Безусловно, также существует очень удобный поезд на Южно-Тихоокеанской железной дороге, регулярный маршрут автобуса, авиауслуги.

Мой коллоквиум в Пасадене состоится 12-го числа, и Олин Вилсон планирует к этому числу выделить для меня какое-то наблюдательное время. Я запланировал оставаться в течение ночи 12-го числа в Пасадене и выехать в Беркли утром 13-го. Общее время на переезд, при выборе кратчайшего маршрута,

³⁰ Письмо датировано 20 февраля 1952 г.

занимает около 10 часов. Если Вы предпочтете более размеженную поездку, то тогда, возможно, будет необходима ночевка где-нибудь по пути. Обычно, это не особенно утомительная поездка.

Будет просто чудесно увидеть Вас обоих, и мы все глубоко признательны за Вашу готовность приехать в Беркли, чтобы ознакомить нас с Вашей [предыдущей. – Авт.] работой и последовавшими затем выводами. На протяжении последнего семестра профессор Салисбари, приехавший из г. Цедар Рапидз, штат Айова, читал общий курс радиоастрономии по протекции инженерного факультета. Вы, наверняка, знакомы с его работой. Он близкий друг Доналда Мензела, и они опубликовали несколько совместных статей на разнообразные темы. Таким образом складывается небольшая группа людей, которые уже кое-что знают о радиоастрономии и которым, в чем я не сомневаюсь, Ваша лекция будет исключительно интересна. Искренне Ваш, Отто Струве» [49].

Письмо Отто Струве к Доналду Шану (1895–1983), директору Ликской обсерватории, г. Маунт-Гамильтон, Калифорния³¹:

«Уважаемый Шан,

Я думаю, что погодные условия улучшатся к моменту приезда Чандрасекара в Ниллз. Если я не получу от Вас обратного ответа, мы предположим, что Вы или кто-нибудь еще из Ликской обсерватории встретите его там и отвезете на Маунт-Гамильтон. Планировали ли Вы привезти его в Беркли к 27-му числу? Он назначил встречу на этот день, чтобы пообщаться с аудиторией в физическом корпусе до свидания с Ньюменом. Так как Ньюмену оплачивают его визиты как консультанту, я надеюсь, что он хотел бы увидеть Чандрасекара в статистическом отделе немного раньше 27-го числа, что может представляться более удобным для его прибытия из Маунт-Гамильтона.

Все астрономы прибудут для участия в коллоквиуме на 27-е, 4.30 вечера, комната № 2, здание Ле-Каунт Холл; название коллоквиума: «Методы использования астрономического феномена экспонирования колебаний».

Мы запланировали обед для Чандрасекара в факультетском клубе, на котором, по-видимому, будет присутствовать огромное количество людей, включая аспирантов. Дайте мне знать: желает ли кто-либо из маунт-гамильтонских астрономов присоединиться к нам? Обед начнется в шесть часов и будет предварять лекцию Чандрасекара в комнате № 11, Уиллер Холл в 8 часов.

Я знаю, что некоторые маунт-вилсоновские астрономы выехали и будут здесь 28 числа. Я их также приглашаю на обед.

Искренне Ваш, Отто Струве» [51].

* * *

Письмо Отто Струве к Гамильтону Джейферсу, астроному Ликской обсерватории³²:

«Уважаемый доктор Джейферс,

К настоящему моменту мне не известен ни один из студентов в Беркли, кто хотел бы претендовать на научную стипендию в следующем семестре от Маунт-Гамильтона. Большинство из тех, кто на днях написал мне, – это студенты,

³¹ Письмо датировано 18 марта 1952 г.

³² Письмо датировано 14 августа 1952 г.

которые хотят получить курсы и, как я понимаю, не заинтересованы провести несколько месяцев в Ликской обсерватории до написания необходимого количества работ в Беркли. Но всё же я буду иметь в виду получаемые сведения и дам Вам знать, если мне удастся подыскать подходящую кандидатуру.

Могу ли я в то же время обратить Ваше внимание на доктора Г.Р. Мицайка, который недавно написал, что он не имел никаких долговременных обязательств перед обсерваторией Перкинса и очень желал бы приехать в Маунт-Гамильтон в течение года. Я написал о нём Шану.

Что Вы думаете по поводу того, чтобы написать доктору Гуилермо Аро, директору Национальной астрофизической обсерватории Тонанцинта (г. Пуэбло, Мексика)? Аро – очень хороший наблюдательный астроном, и у него есть несколько молодых людей, которые смогут оценить предоставленную возможность провести полгода в Маунт-Гамильтоне. Десять или более лет назад я убедил Гуида Мюнха поступить таким же образом: посетить Макдоналдскую и Йеркскую обсерватории, и неожиданно он оказался очень хорошим приобретением. Как Вы, несомненно, знаете, Поведа также очень хороший студент. Из этого следует, что моё мнение о мексиканских астрономах достаточно благоприятное.

Другая перспектива, правда, такая, которая оказалась бы более сложной в решении, – это проблема заполучить некоторых молодых французских и итальянских астрономов, пригласив их в Америку для приобретения опыта работы. Я уверен, что это можно было бы устроить, и средства на поездку можно изыскать либо в Фулбрайтовском фонде, либо у правительства заинтересованных стран.

Искренне Ваш, Отто Струве» [53].

* * *

В первые послевоенные годы Отто Струве загорелся идеей создания научного консорциума при Макдоналдской обсерватории в связи со строительством нового телескопа системы Шмидта с 72-дюймовым сферическим зеркалом и 50-дюймовым рефрактором³³. Если бы подобный консорциум все-таки был создан в этом идеальном месте, то члены правлений различных университетов смогли бы обеспечить своим астрономам свободный доступ к первоклассным телескопам.

О.Л. Струве даже специально написал по этому поводу статью, обосновав в ней необходимость функционирования подобного рода учреждений:

«Астрономы всегда стремились к объединению. Они всегда поддерживали обширные международные проекты, например, такие как полное картографирование неба с применением фотографических телескопов, рассредоточенных по всему земному шару; определение точных положений звёзд с помощью применения меридианных кругов³⁴ дюжины или больше обсерваторий...

³³ В рефракторах для собирания света используются линзы.

³⁴ Инструмент для определения точных положений звёзд.

Организация и поддержка деятельности отдельных наблюдательных станций в южном полушарии (или даже на нашем собственном юго-западе) [т.е. Соединённых Штатов. – Авт.], превосходит возможности среднего университета... Несколько обсерваторий, объединив свои ресурсы, смогли бы сконструировать серию инструментов, предназначенных для таких специальных измерений... Мы считаем, что вполне реальна организация совместных наблюдательных станций в Техасских горах, где расположена Макдоналдская обсерватория, что принесло бы гораздо больше пользы, чем это может сделать в одиночку нынешняя Макдоналдская обсерватория...» [80. С. 144–145].

* * *

Отто Струве всегда «гордился своим русским происхождением», не скрывал этого и при случае даже подчёркивал это (за исключением сведений «об эстонской версии» в паспорте 1921 г.). Он стремился поддерживать тесные деловые и дружеские контакты с учёными Советского Союза; по мере своих возможностей способствовал укреплению связей такого международного сотрудничества, обмену научной информацией в области достижений астрономии; с этой целью приглашал в руководимые им обсерватории известных советских астрономов: Б.П. Герасимовича, Г.А. Шайна, К.Ф. Огородникова.

Ещё со студенческих лет О.Л. Струве и Б.П. Герасимовича (1889–1937) связывали дружеские отношения. В 1918 г. Борис Петрович, приват-доцент физико-математического факультета Харьковского университета, читал лекции тогда ещё студенту Отто Струве [20]. С 1926 по 1929 г. Б.П. Герасимович как стипендиат Рокфеллеровского фонда находился в Америке. По лично му приглашению Харлоу Шепли, на тот момент директора Гарвардской обсерватории, он временно даже работал в этом ведущем американском научном центре. В 1929 г. Б.П. Герасимович и Отто Струве закончили совместное исследование «Физические свойства газообразного вещества в Галактике» («Physical Properties of a Gaseous Substratum In the Galaxy», опубликованное в «Astrophysical Journal», 1929. Vol. 69. P. 7–33). В работе были проанализированы физические условия в межзвёздном газе и описан механизм образования в нём линий поглощения, дано определение средней плотности «кальциевого облака». Учёные установили, что именно последнее участвует во вращении Галактики. Это открытие (пионерское в данной области) произвело немало «шума» в астрономическом мире, а сама работа послужила толчком к развитию нового раздела в астрофизике (о межзвёздном газе и пыли) [65. С. 172].

В 1929 г. результатом сначала самостоятельно выполняемых работ о двойных звёздах, затем плодотворного сотрудничества Отто Струве с Григорием Абрамовичем Шайном (1892–1956) стало исследование «О вращении звёзд» («On the Rotation of the Stars», опубликованное в «Monthly Notices of the Royal Astronomical Society», 1944. Vol. 194. P. 112–120 и в «Резюме» к докладу на Четвёртом астрономическом съезде СССР «Об эффе-кте вращения звёзд», представленном в томе «Труды 2, 3 и 4 астро-номических съездов», 1930. С. 148). Учёные предложили³⁵ собст-венный метод определения скоростей осевого вращения, на практике доказав, что горячие звёзды классов A и B врачаются намного быстрее, чем холодные G, K и M-звёзды, и обладают осевым вращением с экваториальными скоростями порядка 200 км/с (для сравнения – Солнце вращается со скоростью менее 2 км/с). Далее эта работа продолжалась самостоятельно, как О.Л. Струве (1930), так и Г.А. Шайном (1933–1941). Выводы, сде-ланые в ней, позволили Отто Людвиговичу в дальнейшем прийти к следующему: быстро вращающиеся звёзды могли расщеп-ляться в быстро вращающиеся двойные звёзды или, возможно, наоборот, – быстро вращающиеся бинарии могли сплавляться в одну быстро вращающуюся звёзду. Учёные определили скорости вращения огромного количества подобных звёзд. В 1947 г. появилась ещё одна их совместная работа «Поглощение в фиолетовой области спектра» («The Absorption Continuum In Violet Region of the Spectra of Carbon Stars», опубликованная в «Astrophysical Journal», 1947. Vol. 106. P. 86–91).

В 1932 г. Отто Струве в сотрудничестве с Кириллом Федоро-вичем Огородниковым (1900–1985), находившимся в это время в научной командировке в США, осуществили работу по изучению линий в спектре пульсирующей звёзды бета Цефея под названием «Спектр беты Цефея» («A Note on the Spectrum of β Cephei», опубликованную в Publications of American Astronomical Society. 1932. Vol. 7. P. 105–106) [61. С. 65].

* * *

1947 год ознаменован в биографии О.Л. Струве рядом юби-лейных дат: его пятидесятилетия, 15 лет пребывания на посту ди-ректора Йерской обсерватории и редактора «Астрофизическо-

³⁵ Сотрудничество О.Л. Струве и Г.А. Шайна осуществлялось путём их пе-реписки. Струве выполнял свою часть работы, находясь в Йерской обсервато-рии, Шайн работал в Симеизской обсерватории в Крыму [61. С. 65].

го журнала», пятидесятипятилетия закладки (1892) и пятидесятилетия деятельности (1897) Йеркской обсерватории. В этом же году О.Л. Струве возглавил кафедру астрономии в Чикагском университете, оставив директорство в Йеркской обсерватории и должность редактора «Астрофизического журнала»³⁶. На этих постах его сменили собственные учёники Дж. Койпер и С. Чандрасекар. Отто Людвигович предполагал, что в дальнейшем Дж. Койпер будет искать его совета, особенно перед принятием важного административного решения, но новый руководитель, всегда имевший собственное мнение по любому вопросу, не собирался поступать подобным образом. Эта и другие причины осложнили взаимоотношения Отто Струве не только с Дж. Койпером, но и другими ведущими обсерваторскими сотрудниками. Его лучшие воспитанники стали обвинять О.Л. Струве в пренебрежении к их научным и личным интересам. Главное, становилось очевидным, что их существование под одной крышей уже абсолютно невозможно...

Из письма³⁷ О.Л. Струве к своему коллеге и другу Льюису Хенни (1910–1970), профессору астрономии Калифорнийского университета:

«Дорогой Льюис,

Я пишу главным образом для того, чтобы обратиться к Вам с просьбой, что-нибудь предпринять в отношении моего деликатного вопроса, в том смысле, чтобы данная информация стала доступной в среде старших астрономов в Беркли и в Калифорнии вообще, поскольку я нахожусь в весьма восприимчивом настроении на случай предложений от других учреждений. Ситуация в Йерксе не благополучна и существует в таком виде на протяжении ряда лет, поэтому Вам, возможно, станет понятным моё непременное желание уехать отсюда прочь. Два года тому назад я решил попытаться справиться с такой ситуацией, предоставив огромное количество свободы моим подчинённым за счёт сокращения своих административных функций. Сейчас я предпринимаю и другие шаги в том же направлении. Но не уверен, что и я, и они будем чувствовать себя комфортно, если будем продолжать вместе находиться в одном и том же месте. Нельзя сказать, что [Чикагский. – Авт.] университет настроен ко мне недружелюбно; скорее наоборот: они не обделяют меня вниманием, хвалят и даже предпринимают какие-то усилия, чтобы предоставить в моё распоряжение значительные фонды для моей новой научной программы (работа насыщена элементами и значениями по теории звёздной эволюции; мы надеемся, что АЕС сможет поддержать эту программу).

Сначала я собирался написать по этому поводу Шану, но, вероятно, это поставило бы и его, и меня в неловкое положение. Поскольку Вы в одном из

³⁶ На самом деле эти должности номинально сохранились за О.Л. Струве, но перешли в разряд «почётных».

³⁷ Письмо датировано 15 января 1949 г.

Ваших писем упоминали, что подобная вакансия возможно появится в Беркли, я подумал, что мне стоит дать Вам знать о моей проблеме. В основном мой интерес состоит в научной программе, которая замечательным образом развивалась на протяжении прошлых лет. Не исключено, что я хотел бы сохранить широту её проблематики, потому предполагаю, что, возможно, могут появиться какие-то предложения от Маунт-Вилсона [т.е. Маунт-Вилсоновской обсерватории. – Авт.]» [47].

Спустя почти полвека С. Чандрасекар в своём интервью американскому астроному, историку науки Кевину Крищунасу так разъяснял данную ситуацию: «Я относился, большей частью, как к недоразумению к тому, что О. Струве и я не продолжали теплых личных отношений на протяжении последних лет в Йерксе и после его переезда в Беркли, и вообще...» [23. С. 26].

Да и сам Отто Людвигович впоследствии признавался, что он в своё время оказывал «давление» и на Чандрасекара, и на Койпера, пытаясь выжить их из Йеркской обсерватории [36. С. 366]. Но несмотря на сложившиеся таким образом личные взаимоотношения Отто Струве не переносил их суть на уровень научных интересов в общении с этими людьми. Например, Отто Людвигович в это же время предложил и более того поддержал кандидатуру Чандрасекара на выборах Президента Американского астрономического общества; в 1952 г. именно О.Л. Струве, участвуя в определении кандидата для награждения медалью им. К. Брюс (награда Тихоокеанского астрономического общества), настоял на кандидатуре С. Чандрасекара [82].

* * *

Особо следует сказать об отношении Отто Струве к студентам вообще. Бытует мнение, что он был несколько суров с теми, кто занимался в университете без особого желания. Многие студенты предпочитали сдавать свои работы с вычислениями в отсутствие Отто Струве... Но нельзя забывать и того факта, что всегда при сдаче квалификационного экзамена на получение степени «доктора философии» (Ph.D.) Отто Людвигович особенно был заинтересован в том, чтобы каждый студент получил достойную (читай – высшую) оценку своих знаний. В.Х. Маккреа, бывший аспирант Отто Струве, вспоминал, что «...Струве никогда не возводил преград между собой и учёником, он давал студенту полнейшую возможность в преодолении трудностей» [36. С. 364].

Если было необходимо пойти и «попросить» за студента или аспиранта, в общем молодого учёного, Отто Людвигович нико-

гда никому в этом не отказывал, практически всегда сам проявлял личную инициативу, особенно если это касалось получения стипендии или других материальных условий обучения (работы).

В раскрытие данной психологической особенности личности О.Л. Струве-педагога приведём несколько документов из его переписки с Дональдом Шаном, директором Ликской обсерватории³⁸:

«Дорогой Шан,

Мисс Элизабет Рёмер спрашивала, будет ли возможным для неё получить курс позиционной астрономии за № 298 или 299 с углублённым изучением проблем именно позиционной астрономии, – области наиболее ей интересной, и о том, что она, вероятно, хотела бы продолжить работу в Ликской обсерватории, если в дальнейшем ей представится такая удобная возможность. Она имеет пока ограниченное количество курсовых работ по математике и физике, но она предполагала, что, возможно, доктор Василевскис (или доктор Джейферс, если Вы или он сочтёте это наилучшим вариантом) мог бы согласиться стать её научным руководителем. Она выполнила уже три части [из программы учебного процесса. – Авт.], как результат привлекательности для неё этого курса. Она проживает в Беркли, но я не сомневаюсь, что она могла бы время от времени посещать Ликскую обсерваторию, чтобы обсуждать работу со своим наставником. Так как регистрация предстоит в скором времени, я был бы счастлив, если бы Вы смогли своевременно меня известить, какие приготовления ей необходимо сделать.

Искренне Ваш, Отто Струве» [50].

* * *

«Дорогой Шан³⁹,

К Вашему сведению, я хотел бы, чтобы Вы прочитали вложенное письмо Роберта Крафта. Это исключительно хороший человек, и к тому же – один из тех, кто, имея собственную точку зрения, старается подробнее выяснить перспективы дальнейшего обучения в науке. Пожалуйста, разъясните, чтобы он уже сейчас понимал, что ему не следует приезжать в Ликскую обсерваторию в течение академического 1953–1954 года, потому что при этом он лишится интересного и важного курса Хены по звёздным атмосферам.

Я предлагаю обсудить этот вопрос позже, когда мы встретимся 15 ноября. Если Вы почувствуете, что не сможете поддержать его стипендией от Ликской обсерватории в следующем году, то мы будем вынуждены попытаться устроить его в конце этого года. У нас с ним состоялся долгий разговор, и я определенно чувствую, что он искренне заинтересован в перспективе, которая может возникнуть, когда он, наконец, почувствует себя готовым для поездки в Маунт-Гамильтон.

Искренне Ваш, Отто Струве» [54].

³⁸ Письмо датировано 31 января 1952 г.

³⁹ Письмо датировано 1 ноября 1952 г.

* * *

«Дорогой Шан⁴⁰,

Напоминая о запросе Саада для получения им привилегий при проведении наблюдений на Ликской обсерватории, я хотел бы предложить, чтобы Вы одобрили это, а мы постарались бы доработать детали немного позже. В общем-то, очевидно, что мы сможем работать в пределах его звёзд в течение такого времени, и это будет нормально воспринято и Макнамарой, и мной лично.

Саад – компетентный и добросовестный работник, который несмотря на неблагоприятные условия, продолжал получать исследовательские результаты в Аргентине после его возвращения в эту страну из Йеркской обсерватории, где он провел что-то около двух или двух с половиной лет на протяжении войны [Второй мировой. – Авт.].

К тому же, в общем-то у нас нет причин для возражения, чтобы Саад принял участие в фотоэлектрических наблюдениях, подобно, назначенным в Норман Хансен.

Искренне Ваш, Отто Струве» [55].

* * *

«Дорогой Шан⁴¹,

Я посылаю Вам вместе с [этим. – Авт.] письмом заявки на Ликскую стипендию. Мы рекомендуем на одну из стипендий в качестве основного кандидата от Беркли мистера Абхианкара, а в качестве альтернативного – мистера Видинга. Вероятно, что мистер Абхианкар получит эту стипендию, так что наличие альтернативного варианта является простой формальностью.

Относительно второй стипендии от Маунт-Гамильтона. Я карапашом указал наши предпочтения. Мы надеемся, что мистер Стоун сможет получить стипендию в Маунт-Гамильтоне, хотя он и сообщил, что получит стипендию в Беркли, он, возможно, мог бы стремиться получить ещё одну [стипендию. – Авт.] и от Маунт-Гамильтона. Он отметил, что для него это было бы сложнее, но его жена уже поехала на гору Гамильтон. Я надеюсь, что он согласится провести свою наиболее важную часть работы на горе. Он завершил большинство своих курсовых работ, и то, что осталось, – это, в первую очередь, тезисы. Он ещё точно не решил по поводу последних, будучи задействован, с одной стороны, в спектрографическом изучении нескольких бинариев и, с другой стороны, – в работе по интерферометрии, подобно недавно проведенной мистером Ворком.

Мне немного известно о мистере Коче, который является только претендентом от другой организации. Степень его научных знаний в среднем более низкая, чем такие же показатели у других кандидатов. Исключение – мистер Кудабак, который только что окончил университетский курс и допущен к аспирантской работе на предварительной основе. Наибольшего внимания заслуживает его обучение в течение последнего семестра, чем в предыдущие годы. Я прикладываю [к письму. – Авт.] перечень оценок научных знаний для аспирантских и студенческих работ.

⁴⁰ Письмо датировано 24 декабря 1952 г.

⁴¹ Письмо датировано 21 февраля 1955 г.

Пожалуйста, подготовьте Вашу рекомендационную ведомость и подпишите её. Будьте добры вернуть мне эти материалы, и я передам их в учебную часть (они должны быть сданы до второго марта).

Искренне Ваш, Отто Струве» [56].

* * *

6. Калифорнийский период (1950–1959 гг.)

В 1950 г. О.Л. Струве переезжает в г. Беркли, в Калифорнийский университет, где возглавляет кафедру астрономии, одновременно занимая должность директора университетской Лейшнеровской обсерватории. Здесь перед ним стояла сложная задача по созданию обновлённой (в том числе, и научными кадрами) сильной астрономической кафедры. В Калифорнии Отто Людвигович получил доступ для работы на крупных телескопах Ликской и Маунт-Вилсоновской обсерваторий.

Стиль работы, точнее ритм его жизни, оставался прежним: коллеги справедливо продолжали называть Струве «двадцати четырехчасовым астрономом» [36. С. 363]. Это было абсолютной правдой.

Дальновидно предугадав, что будущее астрономической науки за радиоастрономией, Отто Людвигович приложил максимум усилий для формирования и организации деятельности серьёзной радиоастрономической научной школы именно в Беркли. Полнотью взяв на себя лично решение многих, даже технических моментов (постройка большого радиотелескопа, изыскание средств), он ведёт активную переписку по этим вопросам.

Из письма Отто Струве к президенту Калифорнийского университета Р.Г. Спроулу⁴²:

«Уважаемый президент Спроул,

Факультет очень сильно заинтересован в радиоастрономии. Как Вы знаете, в нашем коллективе в прошлом году работал австралийский радиоастроном доктор Р.Н. Брессуэл. По моему запросу декан Дэвис назначил состав комитета по радиоастрономии, в том числе Мессера, Вейвера, Алвареца и Силвера, о чём уведомил университет. Я знаю от мистера Вейвера, что деканом был рассмотрен отчёт, и он лично обсуждал его с Чанселором Керром и деканом Констанцем.

Из моего предварительного разговора с докторами Вотерманом и Сигером (из Национального научного фонда) я делаю вывод, что мы имеем небольшой, но надежный шанс [получения. – Авт.] гранта от «Программы больших воз-

⁴² Письмо датировано 3 февраля 1956 г.

можностей» на развитие радиоастрономии. Предполагаю, что запрашиваемой у Конгресса суммы (под руководством Нью-Йоркской Ассоциации университетов) достаточно только для покрытия расходов большой радиостанции. Существует определённая вероятность, что если мы введём в Беркли современную программу обучения по радиоастрономии, то сможем получить гарантированную поддержку для [финансирования. – Авт.] радиотелескопа.

Искренне Ваш, Отто Струве» [57].

Изнуряющий труд, последствия пережитых О.Л. Струве в прошлом событий Гражданской войны в России (ранение, эвакуация и хронические болезни) постоянно давали о себе знать. Но он старался не замечать этого. Только по отдельным фрагментам из писем мы можем судить о его фактическом состоянии здоровья. Так, обращаясь к Доналду Шану, О.Л. Струве писал:

«Мой врач опять назначил мне строгую диету, и я, следовательно, вынужден просить Вас об отмене моего присутствия на званом обеде у миссис Гамильтон; я возьму с собой ланч и ужин, и тогда я буду совершенно независим, насколько это возможно в моей жизни.

Однако я собираюсь продолжить наблюдения, если только я не услышу от Вас или доктора Джейферса, что телескоп необходим Вам для других работ. Я предполагаю приехать около полудня и увидеть Вас после ланча...» [52].

В 1956 г., работая ночью на 60-дюймовом телескопе обсерватории Маунт-Вилсон, Отто Людвигович упал с большой высоты и сломал несколько ребер (очевидно, сказалась общая слабость организма). В результате он провёл в больнице около месяца, был вынужден затем постоянно носить корсет. Но даже находясь в госпитале, лишенный возможности проводить наблюдения непосредственно, О.Л. Струве активно деятелен (в части деловой переписки). О своём здоровье, как обычно, он сообщает коротко:

«Я уже делаю большие успехи [в выздоровлении. – Авт.] и, быть может, покину госпиталь уже на этой неделе, но я не сомневаюсь, что я не смогу осуществить поездку в Вашингтон к 11 июля...» [58].

* * *

С 29 августа по 5 сентября 1955 г. в Дублине (Ирландия) проходил Девятый Международный астрономический съезд (точнее – Генеральная ассамблея Международного астрономического союза), самый многолюдный (620 членов, представлявших 40 стран, и огромное количество гостей, членов семей астрономов) с момента основания МАС в 1920 г.

28–29 августа состоялись заседания Исполнительного комитета Союза, в работе которых приняли участие О. Струве, П. Свингс (1906–1983), Э. Рыбка (род. 1898), Р. Вулли (1906–1986), Б. Стрёмгрен, Я. Оорт, П.Г. Куликовский (1910–2003) (вместо не приехавшего вице-президента МАС В.А. Амбарцумяна). После приветственной речи премьер-министра Ирландии, известного политического деятеля Имона де Валера выступил, Отто Струве. Он рассказывал о целях и задачах Международного астрономического союза. Изучив и обобщив в своём докладе выступления предшественников на посту президента МАС, Отто Струве предложил расширить число стран – участников МАС для более успешного развития науки астрономии; говорил о необходимости увеличения международного обмена учёными-астрономами (чем активно занимался лично) с целью совершенствования их знаний, в особенности учёных из тех государств, которые не имели ещё собственных больших обсерваторий; обосновав необходимость всестороннего увеличения ассигнований, предназначенных для развития астрономии в разных странах, предвидел возможность создания новых специальных обсерваторий, разнообразных инструментов (в их числе преимущество отдавалось большим радиотелескопам и вычислительным центрам).

Открывая это заседание, Отто Струве в докладе специально остановился на освещении активной позиции советских астрономов в деле организации международного сотрудничества, при этом произнес несколько фраз по-русски, назвав русский своим родным языком [43. С. 284–285].

Новым президентом Международного астрономического союза съезд избрал директора Парижской обсерватории Андрэ Данжона (1890–1967). Но, находясь на посту президента МАС или в качестве почётного члена Союза, Отто Людвигович всегда старался «сглаживать» возникавшие острые углы во взаимоотношениях между МАС и СССР.

Через несколько лет после Дублинского съезда Отто Струве писал: «... к 1952 г. стало очевидно, что подавляющее большинство делегатов хотело разорвать замкнутость, возникшую между Соединёнными Штатами и Советским Союзом, провести заседания в обеих этих странах. Поэтому в свою речь при принятии поста президента Союза в Риме (1952 г.) я включил следующие предложения, адресованные г. Амбарцумяну, в то время советскому вице-президенту Международного союза: “Примите заверение к России в Вашем лице: этот Союз настоит на проведении встречи в Вашей стране в недалёком будущем.

Наши обсуждения в Исполнительном комитете и состоявшееся ранее, утром, голосование показали, что на данный момент это невозможно”» [81].

Здесь необходимо уточнить, что в 1951 г. проведение заседания МАС планировалось в Ленинграде, но из-за событий Корейской войны (1950–1953) оно было отменено и собственно поэтому состоялось в Риме. Советская делегация выразила по этому поводу решительный протест.

В качестве примера иллюстрации взаимоотношений «Восток–Запад» того периода очень интересен следующий документ – письмо⁴³ Отто Струве к президенту МАС Бертилу Линдбладу (1895–1965):

«Уважаемый доктор Линдблад,

Я только что получил Ваше письмо от 4 июля. В ответ я могу говорить только о себе. Лично я, как официально, так и неофициально, не представляю мнения правительства Соединённых Штатов и не обсуждал этот вопрос ни с одним из чиновников. Также я не представляю Американское астрономическое общество или какие-либо другие объединения астрономов в этой стране. Но лично руководствуясь тем, что на протяжении шести с половиной прошедших месяцев я слышал четкие и повсеместно выражаемые мнения астрономов в США. Это, отчасти, отголоски равнодушного одобрения советского приглашения, как и в равной степени равнодушного отказа от него; раздел между этими крайностями в пропорции составляет половина на половину.

В свете развития событий прошлым летом – я нахожу, что вынужден, с очень тяжелым сердцем, высказаться против советского приглашения. Далее я хочу обосновать те причины, которые вынуждают меня занять именно такую позицию. Но сначала позвольте мне рассмотреть два предложения практического характера:

1. Некоторые американские астрономы выражали надежду на то, что принятие искомого решения может быть отложено на некоторое время или же само заседание может быть отложено до 1952 года. Я поступлю с такой позицией по-своему, даже несмотря на то, как мала вероятность, что в 1950 году мы будем иметь более ясное представление, нежели имеем сейчас.

2. Для Исполнительного комитета МАС было бы всецело приемлемым обратиться к профессору Михайлову с тем, чтобы предложение русских было отложено до следующей возможности в будущем. Это гармонировало бы с отзывом американцами их прошлогоднего приглашения и подготовило бы почву для встречи в дальнейшем в одной из небольших стран Европы.

С уважением относясь к приглашению русских, я отдельно перечислю все “за” и “против”.

“ЗА”

1. Письмо профессора Михайлова от 27 июля по сути является принятием условий, предложенных сэром Гарольдом Спенсером Джонсоном в Цюрихе. Не секрет, что все делегации, имеющие в Генеральной Ассамблее равные пра-

⁴³ Письмо датировано 11 июля 1949 г.

ва на приглашение, могли бы сделать уступку советскому правительству с далеко идущими последствиями.

2. Отказ от принятия такого приглашения, как заметили некоторые американские астрономы, выглядел бы “пощёчиной”, и мы взвалили бы на себя ещё и такую ношу как объяснение, почему мы не желаем с честными намерениями сотрудничать с астрономами Советского Союза.

3. Отрицательные действия могут стать препятствием в дальнейшем общении с ведущими астрономами СССР, что прибавит больше сил наиболее шовинистически настроенным элементам в России.

4. Встреча в России могла бы способствовать развитию астрономии в тех странах, которые в настоящий момент находятся “за железным занавесом” и, возможно, обеспечила бы нам ценные контакты с астрономами и учреждениями, которые сегодня нам едва известны.

“ПРОТИВ”

1. В советских публикациях увеличивается тенденция к нападкам, причём в наиболее мелочной и обидной манере; любой из западных учёных посчитал бы неприемлемым для себя стать жертвой подобных оскорблений, будучи гостем таких администраторов. Я имею в виду несколько удивительные примеры плохого тона, как безосновательное обвинение Воронцовым-Вельяминовым ряда американских астрономов, которых он перечисляет по именам (в значении, что мы все трудимся лишь для того, чтобы поработить умы обычных людей и, таким образом, лишить их [т.е. советских людей. – Авт.] самой лучшей социальной системы существования; для этого мы, якобы, фальсифицируем астрономические результаты, рисуя “пессимистическую” картину мира и его эволюции); также забавна (и удивительна) тенденция с требованием “приоритета в астрономии” или уничижения западной науки как “неотъемлемо порочной и потому неспособной к формированию правильных обобщений”.

2. Вмешательство политики коммунистической партии в астрономические дискуссии было продемонстрировано на недавнем симпозиуме в Москве, посвящённом теориям академика Отто Юльевича Шмидта. Сам тот факт, что местная партийная организация выступила организатором этого симпозиума, уже является угрозой свободе научного предприятия. Несмотря на тот факт, что теории Шмидта кажутся наивными не только нам, но также и ведущим астрономам СССР, данная дискуссия состоялась, поскольку “изучение космогонии имеет очень большое значение в борьбе материализма против идеализма; это та отрасль астрономии, к которой с особым пристрастием применяется тезис партии: влияние в науке”. Поскольку приглашение исходит от Русской Академии наук, возникает вопрос: был бы ли Международный астрономический союз гостем тех, кто теперь пытается оказывать давление со стороны.

3. Вышеупомянутый аргумент приводит к следующему вопросу: какое из двух направлений в Ленинграде обязан выбрать МАС: а) присоединиться к русским учёным в их непомерной хвале коммунистических политических деятелей или б) стать недружелюбными по отношению к своим хозяевам?

4. Я не уверен, что сотрудники советского консульства за границей “собются с ног” в связи с приглашением “всех организаций” их Академией наук. Если потребовалось четыре месяца, чтобы ответить на Ваше письмо, датированное прошлым февралём, для консула легко могло бы потребоваться четыре года, чтобы получить все необходимые документы для оформления визы.

5. В случае с СССР, как дополнение к целому ряду стран типа Испании, возникает вопрос, даже более озадачивающий, о множестве политических преследований: католических священников, и т.д. Хотя такая сложность не ограничивается только Советским Союзом, просто там это более явно, чем где-нибудь ещё. Любая из небольших стран, типа Швейцарии, лишена подобной проблемы.

6. Можно поспорить, будут ли серьёзные астрономы СССР допущены к реальной работе, если бы мы приняли приглашение от Академии, которая находится под сильным политическим влиянием.

7. Наконец, нам не следует быть безразличными к ужасному примеру политического вмешательства в область генетики. Отчёт Джюлиана Хаксли в "Nature" [научный журнал. – Авт.] – предупреждение другим наукам.

Как я заявил в самом начале, на мой взгляд, позиции категории «НЕТ» перевешивают позиции категории «ДА».

И в конце, могу ли я упомянуть об изменениях в составе Национального Совета США? На недавнем заседании Американского астрономического общества в Оттаве в качестве главы Национального комитета был выдвинут доктор Дж.Дж. Нассау из Кливленда, а президентом Американского астрономического общества избран доктор А.Х. Джой. Оба сменят меня на соответствующих должностях. Национальный Совет США будет состоять из Дж.Дж. Нассау (председатель), Боуэна, Баффера, Шепли и Струве (в качестве американского вице-президента МАС).

С наилучшими пожеланиями миссис Линдблад и всей Вашей семье.

Искренне Ваш, Отто Струве» [48].

Советский «Астрономический журнал», комментируя эту же ситуацию, писал: «В начале 1951 г. Исполнительный комитет Международного астрономического союза путём письменного опроса отменил свое прежнее решение о созыве Восьмого съезда МАС в августе 1951 г. в Ленинграде, сославшись на «существующие трудности путешествия и планирования»...

На Парижской сессии Исполнительного комитета МАС было высказано также предположение, что многие астрономы западных стран «сочли за необходимое воздержаться от поездки в Советский Союз, опасаясь политического давления на участников съезда, которое якобы неизбежно потому, что Академия наук СССР связана с государством ...» [96. С. 101].

«... несмотря на явную несостоятельность аргументов, выдвинутых против созыва съезда в Ленинграде, Исполнительный комитет МАС принял решение о переносе Восьмого съезда МАС из Ленинграда в Рим и не может не считать это решение следствием давления, оказываемого на учёных правящими кругами США и Англии, которые препятствуют международному общению, создавая подлинный железный занавес ...» [96. С. 102].

Уже после состоявшегося заседания МАС в Москве (1958) Отто Струве писал:

«... два года спустя на заседании Исполнительного комитета в Льеже я спросил русского вице-президента: собирается ли советская Академия [наук. – Авт.] возобновить своё приглашение? Я заверил его, что Исполнительный комитет будет рекомендовать принятие такого решения на общей ассамблее в Дублине. Я предвидел, что заседание в Москве подготовит почву для проведения последующего заседания в США. Приглашение русских было формально рассмотрено в Дублине и было поддержано Дж. Нассау, главой делегации Соединённых Штатов. Ответное приглашение США было предложено в прошлом августе в Москве [имеется в виду август 1958 г. – Авт.] и было принято с овациями. Таким образом, не только подтвердилась моя решительность в поддержке проведения заседания 1958 года в Москве, но и то, что я поощрял его всеми средствами, находящимися в моем распоряжении...» [81].

Итак, на съезде в Дублине русский язык утверждается одним из трёх рабочих языков съезда, и два члена советской делегации были назначены переводчиками. Глава советской делегации профессор Б.В. Кукаркин (1909–1977) от имени Академии наук СССР предложил созвать десятый съезд в Москве. Его поддержали глава Национального астрономического комитета Соединённых Штатов Дж. Нассау и шведский представитель Б. Линдблад при продолжительных аплодисментах всего зала. Одновременно с этим профессор Дж. Нассау предложил съезд 1961 г. провести в Соединенных Штатах на базе обсерваторий Маунт-Вилсон и Маунт-Паломар (по Уставу МАС такое решение должно было приниматься только на десятом съезде, но уже заранее оно было одобрено главой советской делегации). Предложение Академии наук СССР, поддержанное Исполнительным комитетом МАС, также единодушно было принято Генеральной Ассамблей [43. С. 285].

По завершении Девятого Дублинского съезда 5 сентября 1955 г. состоялся заключительный ужин. «Во главе этого вечера был Отто Струве: его выступления на съезде и на этом вечере отличались остроумием, большим тактом и были наполнены живым духом сотрудничества» [43. С. 303], – констатировал «Астрономический журнал».

Несмотря на непосредственное активное участие Отто Людвиговича в установлении конструктивных деловых и научных связей между астрономами обеих сторон «железного занавеса», О.Л. Струве лично никогда так больше и не посетил Советский Союз (не присутствовал он и на десятом заседании Международного астрономического союза в Москве), но тому были свои причины.

Сегодня историки по-разному объясняют отказ О.Л. Струве от посещения СССР. Например, тем, что сначала он действитель-

но опасался репрессий со стороны «сталинского» режима... После отказа от участия в московском заседании МАС, аргументируя его причины, Отто Струве писал:

«С момента заседания Международного астрономического союза в Москве в августе месяце меня неоднократно спрашивали, почему я решил на нём не присутствовать или почему ранее не принял очень щедрое предложение президента Российской академии наук Несмеянова посетить Советский Союз в любое время, когда я сам того пожелаю. Я хотел бы пояснить свою позицию многим американским астрономам, астрономам, которые посетили это заседание МАС [в Москве. – Авт.], и многочисленным русским астрономам, которые настаивали на моём приезде...

(...) я хочу также рассеять слухи о том, что я не доверяю заверениям о «полной неприосновенности» или другим подозрениям, что там могли произойти какие-то «скрытые действия», подобно имевших место в моем «русском» прошлом, что могло сделать поездку в Советский Союз опасной для меня. Я никогда не сомневался в искренности русских астрономов и не боялся насилия по отношению к себе. В моей памяти ещё живо другое страшное воспоминание – семейного разрыва, жестокости, крови и безнадёжной борьбы русских против русских на протяжении Гражданской войны 1918–1920 гг. Это была не «скрытая деятельность», что, должно быть, зафиксировано в моём личном досье в советской секретной службе. Мне давным-давно известно, что такое досье существует, и что оно достаточно объёмное...» [81].

Одну из граней (точнее, одну из наиболее вероятных причин) этой психологической драмы личности учёного по-новому помогут осветить архивные документы из переписки Отто Струве с Астрономическим советом СССР, частично сохранившейся в личном фонде академика Н.П. Барабашова (1894–1971) в Государственном архиве Харьковской области [21]. История её такова.

В 1955 г. в г. Харькове издаётся книга «Астрономия в Харьковском университете за 150 лет. 1805–1955 гг.» [74]. Сегодня без труда можно разыскать данное издание в фондах крупных научных библиотек (имеется в виду второй, исправленный вариант книги; оригинальная версия работы А.И. Сластёнова ныне хранится и в публичной Библиотеке Конгресса США[73])⁴⁴. Но вы не встретите на её страницах имени американского астронома. Хотя автор исторического очерка, преподаватель Харьковского университета доцент А.И. Сластёнов, вспоминая «звездную» династию астрономов Струве, в первоначальном варианте книги коснулся и её младшего (на момент издания) представителя –

⁴⁴ Безусловно, первая редакция книги А.И. Сластёнова существует на данный момент не в единственном экземпляре, но ссылка на Библиотеку Конгресса США необходима, так как обнаружить такую книгу где-нибудь ещё автору не удалось.

Отто Людвиговича Струве. В главе «Астрономия в Харьковском университете после Великой Октябрьской социалистической революции (1917–1955)», когда речь шла об его отце, Людвиге Оттоновиче Струве, профессоре Харьковского императорского университета, был следующий текст: «Сын его, Отто Струве, обучавшийся в свое время в Харьковском университете, изменив Родине, эмигрировал за границу и обосновался в США. В течение продолжительного времени он состоит на службе у американских империалистов в качестве директора Йеркской астрономической обсерватории, вблизи Чикаго...» [73. С. 64]. Далее автор комментирует одну из популярных статей⁴⁵ О.Л. Струве (написанную по материалам курса лекций по истории астрономии, прочитанных им в 1935 г. в Техасском университете). «В статье он [т.е. О. Струве. – Авт.] выдвинул ряд реакционных и клеветнических утверждений...» [73. С. 65], – писал А.И. Сластёнов, приводя цитаты из наиболее интересных, с его точки зрения, «сентенций» работы. В завершение – делает вывод: «Последующие выступления Отто Струве показали, что под влиянием огромных успехов и ведущей роли советской астрономии он был вынужден в ряде случаев изменить своё отношение к ней... Надо полагать, что произошла эволюция и во взглядах О. Струве, который, отрицая в прошлом свободное развитие советской астрономии, в своих последних исследованиях стал опираться на результаты работ советских учёных» [73. С. 66].

Коллеги Отто Струве, астрономы СССР – академик В.А. Амбарцумян, профессора А.Г. Масевич, Б.В. Кукаркин, П.Г. Куликовский, – вмешались в процесс распространения уже изданной книги с целью изъятия именно этих страниц. В таком варианте (уже без упоминания об Отто Струве) А.Г. Масевич (зам. председателя Астросовета СССР) переслала книгу в США.

Из письма О.Л. Струве к А.Г. Масевич⁴⁶:

«Уважаемая миссис Масевич,

Я был приятно удивлен, когда доктор Шан привёз мне книгу русского издания, которую Вы передали в Ликскую обсерваторию для меня. Миссис Струве и я были очень заинтересованы в некоторых репродукциях фотографий и описании различных достижений. Очень Вам признателен.

Я узнал в настоящее время, что книга Сластенова об истории Харьковской обсерватории, экземпляр которой Вы мне прислали несколько месяцев назад, первоначально появилась в ином издании. Я не читал первоначального

⁴⁵ Otto Struve «Freedom of Thought in Astronomy» // Scientific Monthly. 1935. Vol. 40. P. 250–256.

⁴⁶ Письмо датировано 6 августа 1957 г.

варианта (текста. – *Авт.*], и это вызвало противоречивые эмоции с моей стороны.

С одной стороны, я испытываю благодарность и даже польщён, что известные и любезно расположенные специалисты в Москве взяли на себя беспрокойство удалить из оригинала книги ту часть, которая оскорбительна для меня лично, Иерской обсерватории и усыновившей меня страны. С другой стороны, я заключаю, что ещё не пришло время для моего визита в Советский Союз: я не хотел бы подвергнуть себя и институты, которые я отчасти представляю, обидным и фальшивым инсинуациям, от которых я защищён в Америке законами против клеветы.

Произведение Сластёнова не отразилось на моём отношении к астрономам Советского Союза. Я горжусь своим русским происхождением и воспитанием, которое я получил в Харьковском университете. Не произошло никакой “эволюции” в моём восхищении перед достижениями русских астрономов.

Если мистер Сластёнов старается в настоящее время читать очень старые статьи, которые он может разыскать для критики, он мог бы найти это в сен-тенции: “Между ними (русскими астрономами) есть люди, которые очень лояльны и мнение которых не может быть игнорировано”. Предположительно, он мог также знать, что я сотрудничал с Г. А. Шайном как до, так и после статьи 1935 года⁴⁷.

Даже если бы я лично не смог приехать на заседание Международного астрономического союза в ближайший год, я остаюсь благосклонным к решениям, принятым в Дублине и Льеже, и я буду советовать моим коллегам в Америке приехать на съезд и способствовать их успехам. Искренне Ваш, Отто Струве» [21. Л. 3–4].

* * *

Из письма Отто Струве к А.Г. Масевич, В.А. Амбарцумяну, Б.В. Кукаркину и П.Г. Куликовскому⁴⁸:

«Уважаемые коллеги,

Приношу глубокую благодарность за Ваши письма. Вы добры и великолепны, и я ценю вашу дружбу гораздо больше, чем могу это выразить словами. Вы знаете, что уже многие годы я прилагаю всяческие усилия к тому, чтобы помочь американским астрономам ознакомиться и оценить огромные научные достижения Советского Союза, хотя по временам эта задача оказывается нелёгкой.

Возможно, я придал слишком большое значение книге Сластёнова. Если это так, то я надеюсь, что вы припишете такую реакцию излишней чувствительности – черте, по-видимому, приобретённой мной в давние времена под влиянием окружения в России. “Изъятые” страницы этой книги заставили всплыть почти забытые мной воспоминания о временах, которые вы и большинство московских коллег знаете лишь по чужим рассказам. Харьковский университет, в котором эта книга создана, является моей старой *alma mater*, и мне

⁴⁷ Имеется в виду статья: Otto Struve «Freedom of Thought in Astronomy» // *Scientific Monthly*. 1935. Vol. 40. P. 250–256.

⁴⁸ Письмо датировано 8 октября 1957 г.

очень больно, что тамошние астрономы такого плохого обо мне мнения — как об изменнике по отношению к стране, в которой я родился, и прислужнике американских капиталистов. Встреча с ними лицом к лицу была бы стеснительной и очень неприятной. Хотя я и не помню, чтобы я когда-либо встречался с господином Сластёновым, я всегда думал, что теперешний директор Харьковской обсерватории мой друг: мы много беседовали с ним на астрономические и общие темы, когда ёщё оба были юношами. Я не могу удержаться от мысли, что автор книги, который с такой горячностью выражает свою благодарность господину Барабашову, выражает не только своё личное мнение, но и мнение своего директора.

Экземпляр книги “без изъятия” никем мне не был прислан. Он имеется в публичной библиотеке в США, где каждый может её прочесть. Один американский коллега, видевший её и знающий, что я харьковчанин, обратил моё внимание на неё. Я уверен, что никаких задних мыслей в его действиях не было. Обратив внимание на замену страниц в присланном мне окончательном варианте книги, я заинтересовался, что же именно могло содержаться в предыдущем варианте. Я убеждён, что лишь немногие, а, может быть, и вообще никто из других астрономов, не видели ни того, ни другого варианта. Мы, конечно, знаем о неблагоприятном отзыве об этой книге, помещённом в Астрономическом журнале СССР⁴⁹. Вообще нельзя предположить, чтобы американские обсерватории могли заинтересоваться такой весьма поверхностной историей небольшой университетской обсерватории. Всё это, как и многое другое, относящееся к моим взаимоотношениям с Советским Союзом, имеет чисто личный характер. Это не влияет ни на мою собственную официальную позицию, ни моих коллег во взаимоотношениях с астрономами СССР.

Ваше посещение США прошлым летом было очень высоко оценено всеми американскими астрономами. Я сожалею, что некоторые отзывы об СССР (полагаю, что лишь в газетах и популярных журналах), прочитанные Вами, были неверны и оскорбительны. Мы привыкли к дезориентирующему утверждениям, которые мы читаем в широкой прессе. В своих профессиональных изданиях мы пытаемся избегать такого дезориентирования. Если Вы таковые обнаружите (как отмечает Куликовский о моей статье о Герасимовиче⁵⁰), я надеюсь, что в своих изданиях Вы исправите или сообщите мне точные факты, которые я мог бы поместить в своих последующих статьях.

Я прочёл в сообщениях из Барселоны (Испания), что госпожа Масевич выступала там с сообщением о спутнике. Ее, правда, назвали Анной Г. Масевич, но, я думаю, что это по ошибке. Во всяком случае, мы все находимся под глубоким впечатлением успехов русских учёных и инженеров в запуске искусственно-го спутника. Примите сердечные поздравления.

Искренне Ваш, Отто Струве» [21. Л. 5–6].

Алла Генриховна Масевич переслала копии писем (оригинал и перевод на русский язык) в Харьков, Николаю Павловичу Барабашову (собственно поэтому они и отложились в архивном

⁴⁹ Имеется в виду статья: Перель Ю.Г. *Рецензия // Астрономический журнал*. 1956. Т. XXXIII, вып.2. С. 275–277.

⁵⁰ Имеется в виду статья: Otto Struve «About a Russian Astronomer» // *Sky and Telescope*, vol.16, № 8. 1957. P. 379–181.

фонде академика Н.П. Барабашова), сопроводив их собственным обращением⁵¹:

«Глубокоуважаемый Николай Павлович!

Посылаю Вам письмо О.Л. Струве, которое он прислал в ответ на наши (В.А. Амбарцумяна, Б.В. Кукаркина, П.Г. Куликовского и моё) письма (первое письмо я Вам переслала ещё в августе месяце)⁵². Мы сделали всё для того, чтобы заставить его забыть этот неприятный эпизод с книжкой. Как видите, некоторых успехов мы уже добились. Теперь, по-видимому, дело за Вами, т.к. он прямо Вас называет. Может быть, Вы ему напишете хорошее письмо, сославшись на то, что я Вам передала содержание письма ко мне? Пожалуйста, сделайте это не откладывая, и, лучше всего, пошлите такое письмо через Астросовет...» [21. Л. 4].

* * *

Для более полного и объективного освещения событий этой истории приводим фрагмент из рецензии Ю.Г. Переля на книгу А.И. Сластёнова, опубликованной в «Астрономическом журнале», на которую и ссылается Отто Людвигович:

«Книга А.И. Сластёнова посвящена истории астрономии в Харьковском университете. К сожалению, ознакомление с книгой приводит к выводу, что автор не смог дать исторически верное и в достаточной степени точное описание истории астрономии в Харьковском университете.

Прежде всего, необходимо коснуться вопроса о принятом автором этой истории делении на периоды... Такое деление отражает примитивно-социологический подход к вопросу, но не отражает фактического развития астрономии в Харьковском университете в досоветский период... Автор имел большие возможности в отношении установления исторических фактов и их проверки. К сожалению, приходится констатировать, что эти большие возможности автором не использованы.

Больше всего поражает в книге А.И. Сластёнова отсутствие стремления к элементарной точности сообщаемых сведений... Допуская неточности и прямые противоречия в деталях, автор в целом не даёт правильного и выдержанного во времени освещения отдельных этапов истории кафедры астрономии и обсерватории... автор, говоря о видных астрономах, работавших в Харькове, ограничивается подчас очень краткой и не всегда достаточной характеристикой их работы, почти ничего не говоря об их последующей плодотворной деятельности... даже беглое ознакомление с содержанием приложений приводит к выводу, что содержание их, в смысле точности и обоснованности, оставляет желать лучшего. Приложение “К истории Харьковского университета...” составлено из до-

⁵¹ Письмо за № 116–621 датировано 24 октября 1957 г.

⁵² В первом письме (от 19 августа 1957 г.), посвящённом вопросу о книге А.И. Сластёнова, А.Г. Масевич писала Н.П. Барабашову: «Глубокоуважаемый Николай Павлович! Направляю Вам копию письма О. Струве, которое я позавчера получила. Мы все очень этим расстроены. По-видимому, придётся что-нибудь предпринять, чтобы выправить создавшееся положение» [21. Л. 1].

вольно случайно и бессистемно подобранных выдержек. Список заведующих кафедрой астрономии вызывает недоумение, прежде всего, из-за внесённой в него графы “национальность”. Трудно понять, чем руководствовался автор, именуя Л.О. Струве немцем, одновременно не относя А.П. Шидловского к полякам, а И.И. Федоренко – к украинцам, и зачем вообще нужна эта графа?..

В некоторых случаях объективное изложение успехов и достижений астрономической науки в Харьковской обсерватории за последние десятилетия превращается в панегирик по адресу отдельных деятелей, а это мешает исторически объективному пониманию излагаемых фактов и событий... Казалось бы, что труды, издаваемые к 150-летию одного из старейших наших университетов, должны были бы быть не только тщательно подготовлены самим автором, но и тщательно рецензированы и отредактированы. По-видимому, в отношении книги А.И. Сластёнова это необходимое условие не было соблюдено. Рукопись, очевидно, не просматривалась компетентными историками астрономии, хотя, безусловно, возможности для этого были...» [67. С. 277].

Работая в Калифорнийском университете, Отто Людвигович Струве получал очень заманчивые должностные предложения, например – пост директора астрономической обсерватории Гарвардского университета. Но, как правило, отклонял, умело используя их для привлечения дополнительных ассигнований на развитие астрофизики и астрономических исследований в Калифорнийском университете Беркли. Поэтому многие коллеги очень удивились, когда в 1959 г. Отто Людвигович неожиданно принял решение возглавить вновь созданную Национальную радиоастрономическую обсерваторию (НРАО) в г. Грин-Бэнк, Западная Вирджиния⁵³. Отчасти, это объясняется тем, что О.Л. Струве входил в Комитет⁵⁴ по организации (в том числе, и по подбору персонала) работы нового научного центра, и, когда поиски Комитета по замещению вакантной должности первого директора обсерватории зашли в тупик, – это должен был быть очень влиятельный учёный с мировым именем, уже на практике осуществлявший радиоастрономические исследования и имевший солидный администраторский опыт, единственным кандидатом оказался Отто Струве: на тот момент ни в США, ни в мире еще не было специалистов такого уровня.

На новой должности О.Л. Струве пробыл около трёх лет, но фактически его отношение к своим обязанностям было нескольз-

⁵³ Строительство этого научного центра (1956–1959) осуществлялось на средства Национального Фонда по развитию научных исследований [86. С. 20].

⁵⁴ В дальнейшем обсерваторией управлял Совет попечителей из представителей девяти северо-восточных университетов США (Колумбийского, Корнеллского, Гарвардского, Джона Гопкинса, Массачусетского Технологического института, Принстоновского, Пенсильванского, Рочестерского, Йельского) [86. С. 22].

ко формальным, в архиве НРАО даже не отложились документы, связанные с именем Отто Струве⁵⁵ [4].

Более того, Отто Людвигович ещё до принятия окончательного решения о своём выходе на пенсию, неожиданно снова многих оставил в недоумении: решительно поддержал «ноу-хау» – проект Френка Д. Дрейка «OZMA»⁵⁶ [26], первое исследование по поиску внеземной разумной жизни. И это вместо того чтобы активнее заниматься строительством нового уникального 42-метрового радиотелескопа...

По проекту «OZMA»⁵⁷ поиски сигналов велись от двух ближайших звёзд солнечного типа – τ Кита и ε Эридана. Выбор частоты поиска (1420 МГц) не случаен: это был тактический ход, чтобы созданное оборудование использовалось и для обычных радиоастрономических наблюдений (следовательно, можно было избежать обвинений в нерациональном использовании средств). Кроме того, именно в это время сформировалась концепция профессоров Корнеллского университета (США) Джузеппе Коккони (род. 1914) и Филиппа Моррисона (1915–2005), которая предполагала, что, поскольку данная частота является уникальной в радиоспектре, то, возможно, она используется и другими галактическими цивилизациями для связи между собой. Главная же идея в позиции Коккони–Моррисона состояла в том, что «суперцивилизации» могут создавать сигналы-маяки, т.е. специальные послания, с целью привлечения внимания других цивилизаций и установления контактов [69. С. 201–202].

⁵⁵ В своём ответном письме к автору архивист НРАО Эллен Боутон этот факт объясняет тем, что архив НРАО был создан уже после увольнения Отто Струве, а в документах периода организации обсерватории он упоминается номинально.

⁵⁶ Полное наименование проекта: «Королева воображаемой страны Оз». «Это место расположено очень далеко, оно трудно достигаемо и населено экзотическими существами», – писал Ф.Д. Дрейк. – Цель проекта состояла в прослушивании радиоспектра нескольких близлежащих звёзд солнечного типа, приблизительно 1420 МГц, с узкой полосой прослушивания (приблизительно 100 Гц) с целью поиска переменных источников радиоизлучения, связанных с этими звездами. Такие сигналы, если они существуют, могли бы исходить от самих звёзд или их гипотетических планет. В последнем случае они могли быть либо естественного происхождения, подобно «грозе», обнаруженной в атмосфере Юпитера, либо искусственного» [26].

⁵⁷ Вообще, проект «OZMA» не просто стал первым исследованием, посвящённым поиску внеземных цивилизаций, но его основная цель – звезда τ Кита (по-латыни τ Ceti) – дала название целому современному направлению по поиску внеземного разума: CETI – Communication with Extraterrestrial Intelligence (связь с внеземными цивилизациями) [69. С. 10].

В 1960 г. О. Струве писал об этом проблемном проекте:

«Хотя обсуждение крайне затруднительных проблем других людей и считается плохим тоном, я не испытываю никаких моральных предубеждений, рассказывая о проекте “OZMA”, за который я как директор НРАО нёс административную ответственность. Необдуманно этому проекту придали большую огласку, когда информация часто не соответствовала истине, – либо искаженная очень ядовитой критикой, либо награждённая значительными похвальными комментариями, нежели любое другое недавнее астрономическое предприятие. И это разделило астрономов на два лагеря: на тех, кто был полностью за проект, и на тех кто расценивал его как наихудший вред для нашего поколения. Существовали ещё и те, кто соболезновал нам из-за полученной негативной огласки, и те, кто обвинял нас в том, что мы изобрели этот проект исключительно в рекламных целях» [79. С. 22].

Нужно отметить, что никаких сигналов так и не было получено...

* * *

Ещё 29 февраля 1960 г. О.Л. Струве своим коротким письмом⁵⁸ поставил в известность обсерваторских коллег о том, что «... попросил Калифорнийский университет об увольнении на пенсию с 1 июля 1960 г.» [14].

Спустя полтора года, в октябре 1961 г., Отто Людвигович в письме к И.И. Раби, президенту Ассоциации университетов, которой подчинялась НРАО, объяснял своё желание уйти в отставку недостатком времени для научных изысканий и также тем, что все деловые встречи «оставляли у меня ощущение непрерывной усталости, которая является причиной моих проблем со здоровьем...» [12].

Последними вехами в научной карьере Отто Людвиговича были должности профессора астрономии в Калифорнийском технологическом институте и Институте перспективных исследований в Принстоне [30. С. 286].

Эпилог

На закате своей жизни Отто Струве оставался достаточно одиноким человеком, подолгу находясь (особенно в последний год) в госпитале.

Наоми Гринстейн вспоминала:

«Я наблюдала Струве в Пасадене, ближе к концу его жизни, уже очень больного. Он был подавлен, и я понимала, что это не из-за решения уйти в отставку. Он, конечно, сожалел о том, но просто был серьёзно болен. Это было

⁵⁸ Письмо датировано 29 февраля 1960 г.

связано с почкой или печенью... Джесси очень часто ходил навещать его, когда он [Струве. – Авт.] был здесь, в Пасадене, один. И Джесси был также подавлен из-за болезни Отто. Он был настолько болен и до такой степени одинок там [в госпитале. – Авт.], что мы решили убедить его, чтобы он позвонил Мэри, или мы бы сделали таким образом, чтобы она приехала навестить его в Пасадену. В то время, когда он в одиночестве жил в гостинице, я хорошо помню, как она [Мэри. – Авт.] ответила мне по телефону тем своим тихим голосом: "Хорошо, но ты понимаешь, я делаю новые книжные шкафы, и сейчас здесь находится столяр. Это очень большая работа, которая отнимает у меня массу времени. Видишь ли, я не могу оставить это, так как слежу за работой". Я была поражена этим её тоном так же, как тогда, когда она объясняла причины, по которым не могла усыновить ребенка..." [32. С. 3].

* * *

Отто Людвигович Струве умер 6 апреля 1963 г. в возрасте 65 лет в общественном госпитале Алта Бэйтс, г. Беркли. В «Свидетельстве о смерти» за № 63–030883 указана её причина – «цирроз печени, последствия гепатита» [1]. 8 апреля 1963 г. останки Астронома были кремированы.

Мэри Струве (жена) и Элизабет Струве (мать) пережили Отто Людвиговича. Елизавета Христофоровна, познав тяжёлую участь утрат земной женщины, – похоронив мужа, всех своих детей, – умерла 1 октября 1964 г. в возрасте 90 лет [2]. Мэри Струве, после нескольких неудачных попыток самоубийства, умерла 5 августа 1966 г. [3].

Так как у семьи Струве не оставалось прямых наследников, власти штата провели расследование по розыску близких родственников. Краткие результаты данного поиска изложены в письме судебного следователя Е.М. Кинга:

«... относительно имущества миссис Струве и [его. – Авт.] распределения... на сегодняшний день обнаружен только один живой наследник миссис Струве, – её внучатый племянник Дональд Л. Лэннинг... Он является внуком Джорджа Ллойда Лэннинга, брата Мэри Марты Струве.

Выяснилось, что со стороны Отто Струве, бывшего мужа Мэри, существует огромное количество родственников. Большинство из них являлись первыми или вторыми кузенами. Оказалось возможным разделить имущество следующим образом: одна половина – наследникам Мэри Струве, другая – Отто Струве...» [59].

* * *

Ну что ж... Материальная сторона дела благополучно разрешилась юристами, наследство не ушло в чужие руки. Научное творческое наследие Астронома, общее достояние ныне живущих, – более чем обширно: научная библиография О.Л. Струве насчитывает около 1000 работ (хотя называется число в 907 статей), десятая часть которых – это короткие реsume (например, в виде опубликованных писем в редакции различных изданий) и обсерваторские отчёты. Американский историк науки Кевин Кришнаус взял на себя труд тщательно изучить публикаторскую деятельность О.Л. Струве и получил такие результаты: в журнале «Popular Astronomy» (за период 1923–1951 гг.) Струве опубликовал 49 статей. В журнале «Sky and Telescope» (период 1942–1963 гг.) – 154 работы и 83 рецензии на книги или отзывы на другие астрономические исследования; в «Astrophysical Journal» (период 1932–1947, гг.) – 223 статьи [36. С. 358].

Основными трудами Отто Струве, подытожившими научные поиски Астронома, стали книги Эволюция звёзд. Данные наблюдений и их истолкование. М.: ИЛ. 1954, 285 с. (оригинал: *Struve O. Stellar Evolution: An Exploration From The Observatory*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1950); в соавторстве с коллегами по Лейшинеровской обсерватории Беверли Линдс и Эллен Пилланс: Элементарная астрономия. М.: Наука, 1967, 484 с. (оригинал: *Struve O., Lynds B., Pillans H. Elementary Astronomy*. New York: Oxford University Press, 1959, 396 р.); в соавторстве со своей сотрудницей Вельтой Зебергс: Астрономия XX века. М.: Мир, 1968, 548 с. (оригинал: *Struve O., Zebergs V. Astronomy of The 20th Century*. New York and London: Macmillan, 1962, 544 р.); опубликованный цикл лекций: *Struve O. The Universe*. Cambridge, Mass: MIT Press, 1962, 159 р.).

Уже более 40 лет учёные активно пользуются работами Отто Людвиговича, но со многими документальными свидетельствами о жизни и деятельности этой яркой личности, «Звезды первой величины», ещё предстоит поработать историкам и биографам. И не только американским ...

Последние уже внесли достойную лепту в дань памяти о «своём Отто»: работают обсерватории, в создании которых он принимал личное участие, именем Отто Струве назван лунный кратер (25°N , 75°W , западная лунная область), малая планета (астероид

2227)⁵⁹ и телескоп в действующей Макдоналдской обсерватории (1966) [8. С. 98].

У Отто Людвиговича Струве есть всё, чтобы эпитафия о нём выглядела солидно и весомо. Но нет самой эпитафии... Жизнеописание последнего из династи астрономов Струве пока что остаётся открытым проектом.

Дискутируя же вообще в отношении такой психологической категории как сохранение памяти о выдающихся, неординарных личностях, следует вернуться к размышлениям самого Отто Людвиговича. Их можно читать и слышать, как некое духовное завещание человека, в чём-то очень русского по рождению и ментальности: «... если я ошибаюсь, — писал он, — то оправданием мне является то непреодолимое сознание ответственности пожилого человека, которую он ощущает, если является одним из немногочисленных представителей, чья память хранит события и впечатления, о которых необходимо знать всем...» [78. С. 379].

ЛИТЕРАТУРА

1. Alameda County, Berkeley, California, «Certificate of death» N 63 – 030883 (Otto Struve), April 8, 1963. (Далее Alameda County).
2. Alameda County, «Certificate of death» N 64 – 104437 (Elizabeth Struve), October 1, 1964.
3. Alameda County, «Certificate of death» N 66 – 091221 (Mary Martha Struve), August 10, 1966.
4. Архив автора, письмо Эллен Н. Боутон к М.А. Балышеву, 20 мая 2004 г.
5. Астрономическая обсерватория // Записки императорского Харьковского университета, кн. 1. 1915. С. 18–23.
6. Астрономические обсерватории Украины // Наука на Украине. 1922, № 1. С. 32.
7. Ахматов В.В. Отчет о действиях Русского астрономического общества с 1.03.1914 по 1.03.1915 // Известия Русского астрономического общества, вып. XXI, № 5. 1915. С. 103–106.
8. Балышев М.А. Отто Людвигович Струве. Curriculum vitae: историко-биографическое исследование. Х.: СПДФЛ Яковлева А.Г., 2005. 150 с.
9. Балышев М.А. Отто Людвигович Струве: историко-биографический очерк // UNIVERSITATES. Наука и просвещение. 2004. № 3. С. 30–39.
10. Балышев М.А. Самая исключительная звезда: Борис Петрович Герасимович // UNIVERSITATES. Наука и просвещение. 2004. № 4. С. 46–57.
11. Балышев М.А., Мащенко О.М. Харківський університет: Історичний екскурс за архівними документами. – Х.: СПД ФО Яковлева Г.Г., 2004. 202 с.

⁵⁹ Необходимо обратить внимание, что существует ещё одна малая планета (астероид 768), имеющая отношение к фамилии Струве. В 1913 г., в честь старших поколений династии Струве, она получила название Струвеана.

12. Bancroft Library, University of California, Berkeley, ID: BANC MMS 67/135c, carton 3, «Correspondence 1953–1961»: letter of Otto Struve to I.I. Rabi, October 31, 1961. (Далее Bancroft Library).
13. Bancroft Library, ID: BANC MMS 67/135c, carton 3, «Identity papers, 1917–1949», 39 p.
14. Bancroft Library, ID: BANC MMS 67/135c, carton 3, «Biographical information, 1950–1960», 19 p.
15. Bancroft Library, ID: BANC MMS 67/135c, carton 3, «University of Chicago 1921–1950», 6 p.
16. В Крыму // Всероссийская кочегарка. 1920. № 105, 28 ноября.
17. В Крыму // Дело революции. 1920. № 148. 23 июня.
18. Государственный архив Харьковской области. Ф. 4. Оп. 168. Д. 73. Л. 1–3, (Далее ГАХО).
19. ГАХО. Ф. 1682. Оп. 2. Ед. хр. 315. 13 л.
20. ГАХО. Ф. 1682. Оп. 2. Ед. хр. 390. Л. 32.
21. ГАХО. Ф. 5875. Оп. 1. Ед. хр. 433. 6 л.
22. Carnegie Institution, National Academy of Science, Washington D. C. «Abridged Record of Family Traits of Otto Struve», 1954.
23. Chandrasekhar S. Interview by Kevin Krisciunas, October 6, 1987 // American Institute of Physics, Oral History Project, 47 p.
24. Chandrasekhar S. Otto Struve // Astrophysical Journal. 1964. Vol. 139, N 2. P. 423.
25. Cowling I.G. Otto Struve. 1897–1963 // Biographical Memoirs of the Fellows of the Royal Society. 1964. Vol. 10. P. 283–304.
26. Drake F.D. A Reminiscence of Project Ozma // Cosmic Search. 1979. Vol. 1, № 1.
27. Евдокимов Н.Н. Л.О. Струве // Наука на Украине. 1922. № 4. С. 428–430.
28. Еремеева А.И. Отто Людвиг Струве // Выдающиеся астрономы мира. М.: Книга, 1966. С. 348–357.
29. Fernie J.D. Otto Struve // Journal of Royal Astronomical Society of Canada. 1965. Vol. 73. P. 65–67.
30. Goldberg L. Obituary Notices: Otto Struve // Journal of Royal Astronomical Society of Canada 1964. Vol. 5, N 3. P. 284–290.
31. Greenstein Jesse. Otto Struve, cassette tape monologue, 1988 // American Institute of Physics, Oral History Project, 7 p.
32. Greenstein Naomi. Reminiscences of Otto and Mary Struve, cassette tape monologue, January 21, 1988 // American Institute of Physics, Oral History Project, 5 p.
33. Иванов А.А. О.В. Струве (некролог) // Известия Русского Астрономического общества. 1905. Вып. XI, № 5–6. С. 222–224.
34. Кожевников А.Б. Социальная история отечественной науки и техники // Вопросы истории, естествознания и техники. 1993. № 2. С. 80–111.
35. Колчинский И.Г., Корсунь А.А., Родригес М.Г. Астрономы: Биографический справочник. Киев: Наукова думка, 1986. 510 с.
36. Krisciunas Kevin. Otto Struve // Biographical Memoirs. – The National Academies Press: Washington D.C. 2001. 1992. Vol. 61. P. 350–387.
37. Krisciunas Kevin. Otto Struve (1897–1963) // History of Astronomy An Encyclopedia. – New York & London: Garland Publishing, inc., 1997. P. 501.
38. Krisciunas Kevin. The End of Pulkovo Observatory's Reign as the «Astronomical Capital of the World» // Quarterly Journal of the Royal Astronomical Society. 1984. Vol. 25. P. 301–305.

39. Кукаркин Б.В., Куликовский П.Г. О.Л. Струве // Астрономический журнал. 1963. Т. XC (40), № 6. С. 1126–1129.
40. Куксин И. От Пулкова до Чикаго // Нева, 2003. № 1.
41. Куликовский П.Г. Письма В. Я. Струве к С.С. Уварову и П.Н. Фуссу // Историко-астрономические исследования. 1960. Вып. VI. С. 400–416.
42. Куликовский П.Г. Хроника. Восьмой Международный астрономический съезд // Астрономический журнал. 1952. Т. XXIX, № 6. С. 745–760.
43. Куликовский П.Г. Хроника. Международный съезд астрономов в Дублине // Астрономический журнал. 1956. Т. XXXIII, вып. 2. С. 281–303.
44. Luckett R. The White Generals: An Account of the White Movement and the Russian Civil War. – New York: Viking, 1971. Р. 349–384.
45. Марш Дроздовцев (от Ростова до Новороссийска: дневник поручика Первого Офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка Долакова о боевых действиях полка с декабря 1919 по март 1920 г.) // Белая гвардия. 2002. № 2. С. 13.
46. Михайлов А.А. Хроника. Международное астрономическое совещание в Копенгагене // Астрономический журнал. 1946. Т. XXIII, № 3. С. 183–186.
47. Mary Lea Shane Archive of the Lick Observatory, University Library, University of California, Santa Cruz, «Director's papers»: MLSA, letter of Otto Struve to L.G. Henyey, January 15, 1949. (Далее MLSA).
48. MLSA, letter of Otto Struve to B. Lindblad. July 11. 1949.
49. MLSA, letter of Otto Struve to Jan H. Oort. February 20. 1952.
50. MLSA, letter of Otto Struve to C.D. Shane. January 31. 1952.
51. MLSA, letter of Otto Struve to C.D. Shane. March 18. 1952.
52. MLSA, letter of Otto Struve to C.D. Shane. July 14. 1952.
53. MLSA, letter of Otto Struve to H.M. Jeffers. August 14. 1952.
54. MLSA, letter of Otto Struve to C.D. Shane. November 1. 1952.
55. MLSA, letter of Otto Struve to C.D. Shane. December 24. 1952.
56. MLSA, letter of Otto Struve to C.D. Shane. February 21. 1955.
57. MLSA, letter of Otto Struve to R.G. Sproul. February 3. 1956.
58. MLSA, letter of Otto Struve to C.D. Shane. June 18. 1956.
59. MLSA, letter of E.M. King to J.E. Landon. June 6. 1967.
60. MLSA, Otto Struve «Address by the President of the International Astronomical Union Otto Struve at the Ceremonial Opening of the Ninth General Assembly in Dublin, on August 29, 1955», б/д, 8 р.
61. Неяченко И.И. История Симеизской обсерватории // Историко-астрономические исследования. 1977. Вып. XIII. С. 43–116.
62. Новая Россия. 1919, 21 июня.
63. Новокшанова (Соколовская) З.К. Василий Яковлевич Струве. М.: Наука, 1964. 295 с.
64. Остерброк Д., Гурштейн А. Последний из могикан: Отто Людвигович Струве // Природа. 1999. № 3. С. 90–103.
65. Odgers G.J. Otto Struve // Journal of Royal Astronomical Society of Canada. 1963. Vol. 57, N 4. P. 170–172.
66. Osterbrock D.E. Yerkes Observatory (1892–1950): The Birth, Near Death and Resurrection A Scientific Research Institution. – Chicago: The University of Chicago Press, 1997. 384 р.
67. Перель Ю.Г. Рецензия: Сластенов А.И. Астрономия в Харьковском университете за 150 лет (1805–1955). Исторический очерк, Изд. ХГУ им. Горького,

- Харьков, 1955, стр. 184 с рис. и порт. // Астрономический журнал. 1956. Т. XXXIII, вып. 2. С. 275–277.
68. Приказ командира Первого армейского корпуса Добровольческой армии № 107 // Новая Россия, 1919, 20 июня.
69. Проблема СЕТI (связь с внеземными цивилизациями). – М.: Мир; 1975. 350 с.
70. Пушкирев С.Г. Обзор русской истории. СПб.: Лань, 2003. 432 с.
71. Phillips John. Otto Struve // Publications of the Astronomical Society of the Pacific. 1963. Vol. 75. P. 501–504.
72. Рыцарь Белой идеи (к 70-летию гибели генерала от инфантерии А.П. Кутепова) // Посев. 2000. № 2. С. 36–38.
73. Сластёнов А.И. Астрономия в Харьковском университете за 150 лет (1805–1955 гг.). Х.: Изд. ХГУ им. А.М. Горького, 1955. (Первая редакция).
74. Сластенов А.И. Астрономия в Харьковском университете за 150 лет (1805–1955 гг.). Х.: Изд. ХГУ им. А.М. Горького, 1955. 181 с.
75. Состав Русского астрономического общества // Известия Русского астрономического общества. 1903. Вып. IX, № 8–9. 1903. С. 35–59.
76. Список студентов императорского Харьковского университета на 1915–1916 академический год. – Х.: Печатное Дело, 1916. С. 214.
77. Shane C.D. The Awards of the Bruce Gold Medal to Dr. Otto Struve // Publications of the Astronomical Society of the Pacific. 1948. Vol. 60, N 354. P. 155–190.
78. Struve Otto. About a Russian Astronomer // Sky and Telescope. 1957. Vol. 16, N 8. P. 379–381.
79. Struve Otto. Astronomers in Turmoil // Physics Today. 1960. Vol. 13. P. 18–23.
80. Struve Otto. Cooperation in Astronomy // Scientific Monthly. 1940. Vol. 50. P. 142–147.
81. Struve Otto. Footnote to History // Science. 1959. Vol. 129. P. 60.
82. Struve Otto. The Award of the Bruce Gold Medal to Dr. S. Chandrasekhar // Publications of the Astronomical Society of the Pacific. 1952. Vol. 64. P. 55–61.
83. Struve Otto. The Pulkovo Observatory (1839–1941) // Sky and Telescope. 1942. Vol. 1, N 4. P. 3–4, 19.
84. Struve Otto Wilhelm. Zur Erinnerung an den Vater den Geshwistern dargebracht. Karlsruhe, 1895. P. 9.
85. Струве О.Л. Помощь русским астрономам // Dernieres Nouvelles. 1922, N 614.
86. Струве О., Зебергс В. Астрономия XX века. М.: Мир, 1968. 548 с.
87. Струве П.Б. Patriotica: Россия. Родина. Чужбина. СПб: РХГИ, 2000. 352 с.
88. Sweitzer J.S. A Most Exceptional Star: The Life of Otto Struve // Griffith observer. 1987. Vol. 51, N 9. P. 3–11.
89. У белых: положение белых беженцев // Дело революции, № 93. 1920. 20 апреля.
90. Unsold K.A. Otto Struve // Mitteilungen der Astronomischen Gesellschaft. 1963. Vol. 6. P. 5–22.
91. Устинова В.М., Наумова Е.Н. Документы Гуверовского архива (США) о Гражданской войне в СССР // Отечественные архивы. 1992. № 1. С. 58–76.
92. Vasilevskis S., Osterbrock D.E. Charles Donald Shane (1895–1983) // Biographical Memoirs. The National Academies Press: Washington D.C. 20001. 1989. Vol. 58. P. 488–511.

93. Yerkes Observatory Archive, Williams Bay, Wisconsin, «Director's papers», letter of P. Guthnick to E.B. Frost, December 25, 1920. (Далее Y.O.A.).
94. Y.O.A, letter of Otto Struve to E. B. Frost, March 11, 1921.
95. Y.O.A, letter of Otto Struve to A. Wetmore. March 22, 1954.
96. Хроника. Постановление расширенного заседания Президиума астрономического совета Академии наук СССР от 22 января 1952 года // Астрономический журнал. 1952. Т. XXIX, № 1. С. 101–102.
97. Цветков В.В. Уроки упущеных побед (к восьмидесятилетию похода на Москву 1919 года) // Посев. 1999. № 11. С. 38–42.
98. Черказьянова И.В. Профессор П.Э. Соколовский во главе Харьковского учебного округа // UNIVERSITATES. Наука и просвещение. 2004. № 3. С. 64–73.
99. Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. М.: Новости, 1990. 832 с.